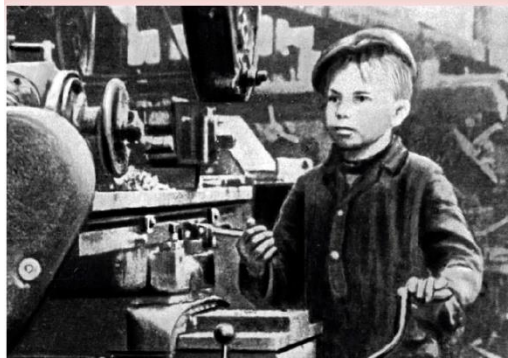

«И ВСЁ ЖЕ МЫ РОСЛИ...»

*Сборник очерков и воспоминаний
детей военной поры
к 80-летию Победы
в Великой Отечественной войне
в рамках одноимённого проекта*

ББК 94
И 11

Составитель, компьютерная верстка: Ли М.В.
Ответственный за выпуск: Коноваленко О.В.

И всё же мы росли...: сборник очерков и воспоминаний к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне в рамках проекта «И всё же мы росли...»/ МУК МКР «МЦБ». – Матвеев Курган, 2025.- 46 с.

©МУК «Межпоселенческая
центральная библиотека»

ПРЕДИСЛОВИЕ

*А мы не стали памяти перечить
И, вспомнив дни далекие, когда
Упала нам на слабенькие плечи
Огромная, не детская беда.*

*Была зима и жесткой и метельной,
Была судьба у всех людей одна.
У нас и детства не было отдельно,
А были вместе – детство и война.*

*И нас большая Родина хранила,
И нам Отчизна матерью была.
Она детей от смерти заслонила,
Своих детей для жизни сберегла.*

*Года пройдут, но эти дни и ночи
Придут не раз во сне тебе и мне.
И, пусть мы были маленькими очень,
Мы тоже победили в той войне*

Роберт Рождественский

Все дальше и дальше от нас май 1945-го, почти не осталось рядом с нами очевидцев тех горьких и грозных лет, в которые решалась судьба мира, России, судьба каждого из нас. Рожденные после Победы, все мы обязаны ей своей жизнью, своим детством... Важно и спустя годы помнить о героизме людей, которые воевали на фронтах, в партизанских отрядах, отстояли своё Отечество, многие – ценой собственной жизни. Они живы в памяти близких, ведь от одного поколения к другому передаются, как реликвии, какие-то вещи, воспоминания, пожелтевшие от времени солдатские треугольники...

Накануне Дня Победы библиотекари решили найти, встретиться и поговорить с жителями района, пережившими Великую Отечественную войну, которые в военное время 1941 - 45 годов были детьми, чтобы они поделились своими воспоминаниями о детстве, опаленном войной.

Поколение, которое относится к категории - ДЕТИ ВОЙНЫ. У них у всех разные судьбы, но объединяет их одно: они дышали войной, у них утрачен МИР детства. Их осталось мало, очень мало, поэтому так ценны и важны их живые голоса и воспоминания. Пережившие трагедию военных лет, страх, голод и холод они своим жизненным примером преодоления трудностей военного детства и обстоятельств, связанных с ним, доказали, что жизнь светла, прекрасна, богата яркими событиями, что воля и целеустремленность, любовь, вера и добродетель способна поднять человека на большие высоты. Именно это поколение возродило страну после разрухи, построило города и дороги, фабрики, заводы, корабли,

самолеты, электрические и атомные станции. Их жизненный опыт достоин того, чтобы воспоминания детей войны стали общественным достоянием.

Дети войны, это люди, рожденные в 30-40-е годы. На июнь 1941 года нашим героям — было от 5 до 15 лет. Самое светлое время жизни – детство, согревающее воспоминаниями всю жизнь человека, было для них не по-детски тяжелым. Даже тот, кто в войну был младенцем, не осознавая, страдал от неё. Те же, кто постарше до сих пор помнят оккупацию или эвакуацию, голод, холод и бомбёжки. Помнят и послевоенную нищету. Но все как один, говорят о силе дружбы, доброты, взаимопомощи, о терпении, о сострадании и силе духа русского характера. Говорят, что только всё это вместе взятое помогало преодолевать испытания и верить в Победу! В Великую Победу и в счастье!

Герои этого сборника – жители Матвеево-Курганского района, наши земляки. Они выжили и дали жизнь следующим поколениям. Их золотой возраст для сегодняшнего поколения является связующей нитью с историей поколения военных лет.

Все материалы печатаются с разрешения героев очерков. Орфография и стилистика авторов сохранена.

Ли М.В., методист МЦБ

Антонова Антонина Александровна

Я родилась в селе Екатериновка 28 ноября 1937 года.

Моя мама, Антоненко Клавдия Яковлевна, в девичестве Иванова, работала в полеводческой бригаде. Отец, Антоненко Александр Петрович, работал трактористом и комбайнером. Через дорогу от нас, где сейчас парк, папа ремонтировал свой комбайн, и мы с мамой носили ему обед. Проживали мы накануне войны на этом же месте, где и сейчас (раньше это была ул. Ленина, 13).

20 июня родилась сестричка Галя, а через два дня началась война. Папу вызвали в военкомат, потом отпустили на месяц домой в связи с рождением дочки, а через месяц уже он ушел для обучения и отправился вместе с другими земляками на фронт.

Во время войны мы так и жили в своей хате, с мамой и бабушкой, Ивановой Евдокией Ивановной.

Помню, как прятались в поле с мамой и грудной сестричкой в скирдах во время бомбежки. Екатериновка вся была в огнях от бомбежки, было очень страшно. Тогда мама приняла решение, что больше не будет прятаться в поле. Ведь могла загореться скирда. С тех пор во время налетов отсиживались с молитвой в подвале (погребе). Многие дома на нашей улице разбомбили, люди жили в землянках. Но наш дом остался нетронутым. У нас ночевала наша близкая родня, вместе ели, спали. Они приходили к нам искупаться. Из-за плохих условий у детей было много вшей.

Помню, как у нас на квартире стояли немцы. Галя расплакалась, а фашист рассердился и засовывал ей револьвер в рот.

Пока фашисты были в селе, никаких праздников не отмечалось. Потом помню, что мы наряжали на Новый год елку — это была ветка дерева. Бабушка и мама делали из тряпочек игрушки и цепляли их на елку.

У нас с сестрой были только тряпичные куклы, которых бабушка сшила нам своими руками.

Никаких лакомств не было. Помню, как рвали калачики, их кругленькие плоды, бабушка растирала их в муку, и делала пышки. Также мы просто ели их. Ели жмых, паслен. Этим и спасались, наверное. Я любила есть цветочки акации.

Папа пропал без вести в ноябре 1942 года. Последнее известие, которое мы от него получили, было из-под Полтавы. Мама страшно кричала, плакала. Мы остались без отца. Поэтому детство было нелегким.

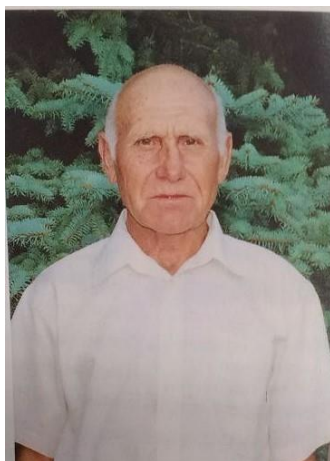
В школу я пошла уже после окончания ВОВ. Когда я пошла в школу, не было у меня даже портфеля. Помню, мама мне сшила форму из мешковины, а сумку из брезента. Носить было нечего. Дальняя родственница отца отдала свой изъеденный молью плюшевый полушубок, это уже было позже, после войны, и мне перешили его. Учебников не было, тетрадей тоже, мы писали на старых газетах. Был один учебник на весь класс.

Я была еще маленькой, но помню, как мама брала меня с собой собирать на поле колоски. Это была помощь в уборке урожая.

Война запомнилась мне и моим сверстникам ужасами бомбежек, расстрелами, страхом, голодом и лишениями. Мы, как и многие, у кого отцы не вернулись с войны, жили очень трудно. Но детство всегда остается детством. Ведь мы росли, дружили, верили в лучшее, надеялись, радовались, жили.

Захарченко Алексей Григорьевич

Родился 31 марта 1937 года в поселке Матвеев Курган.

О войне и оккупации

А Великую Отечественную я хорошо помню. До войны я в ясли ходил. Не знаю, что я был за человек, но воспитательницы и нянечки меня простынями привязывали к кровати – чтоб не проказничал. Мама приходит, – а я там сижу, реву...

Оккупацию помню. Когда немцы были, лучше всего в памяти сохранилось, как рассыпалась машина с горошком. И мы, мальчишки, рылись в снегу и земле, выбирали этот горошек, чтобы поесть... Хлеб, упавший с машин, тоже подбирали. Помню, как мы уходили в Бариловку, когда бои стали особенно сильными. Помню туркменов, перешедших на сторону немцев. Один плакал и говорил, что я на его сына похож...

Наших тоже помню. Они меня «обидели». У меня была настоящая сабля, а они взяли «косички лошадям подрезать», да так и не отдали...

А еще помню, как мы со старшим братом у немцев стянули карабин и наган. И спрятали их в соломе за коридором. А мать нашла. И лупила нас обоих! Потому что нашли бы немцы, а не

она – обоим труба была бы. А мы с братом хоть и ревели, радовались тогда, что своей кражей хоть какого-то нашего солдата от смерти спасли.

В оккупацию мы в огороде жили, в землянке. В доме немцы стояли. Было, что и в подвале жили, у женщины одной, на Харьковской. Подвал был не как сейчас, на улице. А прямо в доме – с «лядой» и лестницей вертикальной. Как только самолеты летят – так нас, детей, туда, вниз и сталкивают – «гугух!». За Харьковской же, в балке, в склоне пещера была. Там тоже люди от обстрелов и бомбежки прятались...

А потом, после освобождения, я по дорогам колоски собирал. Пас колхозных телят. Культивировал. Корову или лошадь в культиватор запрягают, а я сверху сажусь, правлю. И кто-то из женщин сзади идет, культиватор ведет по рядкам. Так что у меня не 63 года стажа, как официально посчитано, а гораздо больше...

Помню курганские школы. Одна была на Харьковской. Вторая – на Таганрогской. Третья – за вокзалом, в «Жемчужном саду», по Светлой, а четвертую помню на Красноармейской, «у бабы Мани». В школе на Харьковской мне запомнилась учительница Мария Ивановна, у которой – невероятное тогда чудо (!) – было целых две юбки. Только потом мы узнали от наших мам, что учительница одну неделю юбку носила кверху лицевой стороной, а вторую – изнаночной...

И вот не знаю уж как, но познали мы тогда от своего учения гораздо больше, чем нынешние школьники. Хотя у нас на весь класс была всего одна книжка – «Родная речь». То ли учили нас иначе, то ли мы сами больше понять стремились...

Деловой Миус.-2019.- 3 января. – С.14.

Киншова (Яценко) Зинаида Филипповна

Родилась 2 сентября 1935 года, в семье колхозников. Жили дружно. По тому времени семья была не очень большая: отец Филипп Дмитриевич, мать Анна Петровна и я, дочь Зина. Отец до войны работал шофером, мать в полеводстве. Когда немцы вошли в село Марфинка, мне было 6 лет.

*Яценко Анна Петровна,
первая слева*

*Яценко Филипп Дмитриевич,
справа*

С начала войны моего отца забирали на фронт, и я осталась с беременной матерью. Хотя я и была маленькая, но понимала, как маме было тяжело. Когда немцы вошли в село, она родила моего брата Василия.

Немцы наступали с Синявской горы. По главной улице села ехали танки, мотоциклисты, машины с немцами, орудиями. Было очень страшно. Оккупанты вели себя, как хозяева. Немцы надкусывали конфеты, шоколад, сухари и бросали нам под ноги. При этом они смеялись, и смех их был похож на ржание лошадей. Нам, малышам, казалось, что это не люди, а звери. Очень хотелось есть, но мы ничего не подбирали, боялись, что по нам будут стрелять. Когда немцы уехали на Успенку, я с другими ребятами собрала все, что фашисты бросали. Мы вырыли яму, сбросили в неё всё, что собрали, подожгли, потом закидали камнями и закопали.

Войну пережили тяжело, но без потерь.

Игрушек в военное время у детей почти не было. У меня сохранилась большая кукла, которую подарил отец. Но при бомбежке куклу повредило, чему я очень расстроилась.

Хлеб рос хорошо, поэтому большого голода не испытали. Было мясо, яйцо, молоко, масло. Держали поросят, коров. Так как немцы чувствовали себя хозяевами в селе, забирали все, что можно было.

Люди в селе жили дружно. Помню, как однажды мать напекла кукурузных лепешек, а я тайком отнесла их нашему то ли разведчику, то ли партизану, особо уже не помню. А на следующий день их было уже пятеро. Я тайком носила им еду.

Все люди в деревне верили в победу наших солдат и ждали, когда же придёт конец войне. И вот в мае 1945 года эта радостная новость облетела все село. О Дне Победы я узнала в школе от учителя. Жители села не скрывали своей радости и слёз.

*Яценко Анна Петровна с детьми:
Зинаидой и Василием.*

Семья Яценко

Кучмиёва (Гончарова) Мария Андреевна

Родилась я 12 июля 1934 года в селе Большая Кирсановка, папа работал кладовщиком в колхозе, мама в колхозной огородной бригаде. Сейчас я живу там же, где и родилась.

Я не помню начало войны, помню только, что мама собирала в мешок папины вещи и плакала, потом он нас с сестрами поцеловал и ушел, нам сказали, что папа ушел на войну.

После этого, в октябре мама тяжело заболела, и 7 ноября 1941 года она умерла.

Когда в село вошли немцы, было очень страшно: они бегали по дворам, ловили курей, убивали собак, которые на них нападали. Мы все трое прятались за бабушку. Потом к нам прибежали двое ребят, наши двоюродные братья, сказали, что немцы стали жечь село. Я вместе с ними полезла на крышу и увидела, что Кирсановка горит с северо-востока, как мне казалось, стеной. У меня до сих пор перед глазами этот пожар. Нам повезло, у нас на хате была железная крыша и не сгорела. А у нашей двоюродной сестры Нюры тоже на доме крыша сгорела, и она пришла к нам жить, у нее тоже умерла мама. Так мы и жили вместе до конца войны.

На доме Нюры остался нетронутым чердак, и мы вместе с ней ходили ночами к ней домой, а он находился в 60 метрах от Миуса, прямо на линии фронта и я взбиралась по лестнице вверх, разгребала золу, набирала ведрами пшеницу, нашла там немного соли. Затем уложив спать Веру и Надю, к нам приходила бабушка, и мы потихоньку, за несколько ночей, переносили всю пшеницу домой. У нашего соседа, деда Бориса, была мельница, мы мололи пшеницу и бабушка очень бережно, только для нас пекла лепешечки в золе, до сих пор помню этот вкус.

Когда началась эвакуация, наши солдаты нас выгнали из дома в чем были, в рваных платьях, не дали даже переодеться, такой был им отдан приказ. Дошли до х.Полтавы с пятилетней Верой и полуторагодовалой Надей на руках и пошли обратно домой, дошли до Кирсановки, а там патруль, назад не пускают. Бабушка плачет: «Хоть Нюру пустите, там же корова, ее надо подоить, но они разрешили только мне. Солдат взял меня за руку, привел в штаб, налили в блюдце меда, дали хлеба, солдаты посадили меня на печку, где я сразу же уснула. Когда проснулась, рядом не было никого, вышла на улицу, там стояли наши солдаты с командиром. Командир сказал одному из солдат: «Отведи девочку домой». Солдат посадил меня на плечо и понес домой, открыл мне двери в хату, я стала доить корову, у меня это плохо получалось, было мне всего семь с половиной лет, но выдоила как-то, и на пол, и в ведро, напилась молока сама, начала собирать то, что сказала бабушка, в основном вещи для маленькой Нади, а потом взяла то, что мне было дорого: все фотографии, сухари, бабушка собирала на всякий случай, сложила в мешок, начала поднимать, поняла, что не подниму. Нашла домотканое покрывало связала веревкой и потянула не оглядываясь, так как было очень страшно, снайпер сидел на горе и стрелял, наверное, пугал меня. Так я дотянула узел до камышей, а там узенький мосточек, одна дощечка, хотела поднять узел, чтобы перенести, а он по дороге протерся, и я всю дорогу теряла фотографии.

В Полтаве нас приютили Пауковы, бабушкины сваты. Позже мы с Верой часто ходили в Кирсановку, когда поспели вишни, яблоки, а когда у нас в саду оборвали все ягоды, мы пошли к Нюре в сад, но, когда мы спустились в ход-сообщение, нас вытолкнули оттуда наши солдаты, так как сад был как «на ладони», а на горе работал снайпер.

Я очень рано научилась шить и вязать, до войны у нас были пуховые козы и папа их стриг, мама и бабушка из пуха делала пряжу и меня научили вязать носки для младших сестер Веры и Нади.

Из игрушек я помню только тряпичную куклу, я шила ей платья из лоскутков.

В 43-м опять пришли в село немцы, мы уже жили дома, но все равно было очень страшно. В конце лета пришел тайком папа, он попал в плен под Сталинградом, бежал, шел ночами с каким-то мужчиной из Ростова. Рассказал, что погиб Захар Роменский, с которым он уходил на фронт, похоронил друга, а сам попал в плен. Вскоре немцы вновь отступали и опять жгли село и угоняли мужчин в Германию. Один пленный наш солдат хотел убежать, и его расстреляли прямо на наших глазах. Ночью пришли наши, потом опять немцы, и так почти всю ночь то немецкая речь, то русская была слышна. Наутро пришли снова наши, и папа ушел с ними, и служил в этой дивизии до самой Польши.

Нас снова эвакуировали в Полтаву, там почти все наши кирсановцы копали землянки, мы тоже жили в землянке, спали на ящиках из-под снарядов, из них же были стол и стулья. Бабушка из камней сложила печь на улице и готовила еду. Однажды она напекла лепешек и поделила нам, детям, каждой по три лепешки, а мимо шел солдат, без погон и ремня, наверное, штрафник, и протянул руку к столу, мы с Верой прикрыли свою еду ладошками, а маленькая Надя нет, он схватил лепешки Надины и убежал, но бабушка не стала на него кричать, а просто отдала Наде свои и сказала, что, наверное, солдат очень голодный, раз у маленького ребенка отобрал еду.

Позже мы посадили в Полтаве огород, но в скорости нас вывезли уже машиной в Аграфеновку и поселили у Соколовых. Есть было нечего, и мы с Верой ходили просили милостыню, взрослые нам что-то давали, а подростки прогоняли нас и били камнями, это увидели наши солдаты и повели в свою кухню, дали нам хлеба и сухой кильки, и сказали, чтобы мы каждый день приходили за супом. Бабушка сделала нам ведро из большой консервной банки, и мы ходили. Наде уже было почти три годика и солдаты, когда шли на обед, брали Надю с собой и там ее кормили. Но в Аграфеновке жили мы недолго, когда наша Армия погнала немцев, я, Вера и Нюра ушли домой, а бабушка с Надей остались, их потом привезли. Нюра с другими односельчанами стала ходить на Донбасс менять тряпки на продукты, у нас от мамы осталось много вещей. Однажды, Нюра не вернулась к вечеру, а мы с Верой боялись спать одни, я постелила в сундуке и ночевали там, там было тепло и не страшно. В августе 43-го года бабушка с Надей вернулись домой и началась мирная жизнь. В сентябре я пошла в школу. Проучилась я всего 3 года и пошла работать в детские ясли нянечкой, так как Вере надо было идти в школу, а ботинки были одни на двоих. Потом я работала почтальоном.

Папа с фронта присылал нам письма-треугольнички, зима выдалась теплая, в лесу было много грибов – опять, собирали очень осторожно, так как немцы во время отступления заминировали отступы, многие подрывались, так из нашего класса погиб Федя Назаренко. Весной 44-го стало полегче, ходили в лес за пролесками, ели их, потом поспела шелковица, для нас, детей, совсем не было голода. Посадили огород, а осенью умерла бабушка и мы остались одни: Нюра и нас трое. Но нам понемножку помогали. В районе была Марфа Арсентьевна Королева, она приезжала к нам, спрашивала, в чем мы нуждаемся. Привезла нам платья, на этикетках которых было написано: «Помощь американских друзей». Продуктами тоже помогали.

Помню, что после уборки пшеницы мы с одноклассниками и учителем ходили собирать колоски и бережно сложив их в мешки относили в колхоз.

15 января 1945 года пришло письмо от папиного друга, который сообщил, что папа погиб в Польше при форсировании реки Вислы и похоронили его в сосновом лесу. Когда я получила

письмо, шла по улице, к другой бабушке, и плакала. Все, кто встречался на пути, спрашивали о причине моих слез и тоже плакали.

Когда закончилась война, я была в школе. К нам в школу пришел отец одного из учеников и сказал такие слова: «Дорогие дети, закончилась война!» и сам заплакал. Мы все выбежали на улицу, стали кричать «Ура!!!», нас распустили по домам, мы бежали по улице и кричали, что война закончилась. Так односельчане узнали о Победе, так как радио в селе не было.

Пленных солдат я не помню, а вот одного немца, который играл на губной гармошке, помню, он приходил к нам во двор, брал Надю на руки и говорил, что у него тоже есть «киндеры» - трое, показывал он на пальцах, а затем вытаскивал из кармана потертое фото, на котором были три девочки, смотрел и плакал.

Вскоре после войны Нюра вышла замуж и уехала в г.Чистяково (ныне Торез) и мы остались совсем одни. В 47-м году приехали к нам мужчина и женщина из с.Екатериновка, они были бездетными, и удочерили Надю. Долгое время они не разрешали ей общаться с нами, не отдавали ей письма, которые мы с Верой писали сестре, но она нас помнила и как только немного подросла сама стала нам писать и только в 55-м году, когда я вышла замуж и у меня уже был маленький сын, мы встретились с Надей в г.Таганроге на железнодорожном вокзале (она училась на курсах медсестер).

Лазаренко Клавдия Лазаревна

Знакомьтесь – Лазаренко Клавдия Лазаревна, родилась 10 октября 1934 года в хуторе Новоселовка Анастасиевского района.

Моя мама, Назарова Мария Ефимовна, работала в полеводческой бригаде. Папа, Назаров Лазарь Петрович, работал на большом гусеничном тракторе в колхозе имени Куйбышева.

На момент начала войны мы проживали в х.Новоселовка в саманном доме, построенном нашей бабушкой своими руками после революции на левом берегу Сухого Еланчика.

Помню, как провожали на войну отца. Мне было семь лет. Он уехал с утра в военкомат, а в одиннадцать ночей вернулся на лошади за вещами. Собрал вещи, попрощался с нами, обнял меня, взял на руки и сказал: «Не плачь, дочечка, я вернусь». Мама кричала во дворе, бабушка ее утешала.

Когда началась война, мы до прихода немцев жили в нашем доме. Но во время бомбежек бежали в подвалы на хутор Ткачев. Нас было четверо у мамы. Брат впереди повел корову, а мы с мамой бежим следом. Бомбежка, Екатериновка в огне, а самолет летит и стреляет в нас. Мама упала на землю, подгорнула нас под себя. Как сейчас помню ее слова «Сюда, деточки, все под меня». Чтобы нас не задело пулями.

Когда немцы пришли в хутор, нас выгнали из нашего большого дома. В то время в соседском маленьком домике ютились пять семей.

Что ели во время войны? Мы все время были голодные. Кур забрали полицаи, хоть мама умоляла оставить. Была у нас корова. Вначале мы прятали ее от фашистов. Также был у нас склад в подполе. Отец держал пасеку. Там мы спрятали флягу меда, муку и зерно. Но жившие по соседству предатели выдали нас, и немцы забрали все у нас под дулом автоматов.

Помню, как немцы, жившие в нашем доме ели шоколад. Моя младшая сестренка убегала, становилась на пороге и облизывала губы. Бывало, что один из немцев отломит маленький кусочек шоколада и даст ей.

Я смотрела за меньшими сестрами и мне было очень страшно в это время. Я боялась, что фашисты могут ее убить.

Помню такой случай, произошедший с моей мамой, едва не закончившийся трагически. Немцы заставили ее постирать белье, приказали, чтобы оно стало белоснежным. На улице шел дождь. Белье пришлось вешать на веревку, натянутую в доме возле печки. Мама развешивала белье и плакала. Вспоминала папу. Она говорила, что он там на фронте не может ни постирать, ни искупаться, а она вынуждена стирать фашистам. Она открыла конфорки в печи и стала кочергой их прошуровывать, чтобы образовался чад. В это время появился один из фашистов. Он начал на нее кричать, схватил ружье и хотел ее застрелить. Я кинулась к нему, вцепилась в ноги, повисла на нем, плакала и умоляла не убивать маму. В это время зашел другой немец и приказал: «Отставить!». Так моя мама чудом осталась жива.

Одно из страшных воспоминаний — казнь подпольщиков на площади села Екатериновка. Они висели на том месте, где сейчас стоит забор. Их не разрешали снимать несколько дней. Мы с мамой сильно плакали.

В 1942 году мне исполнилось 8 лет. Школа была занята под госпиталь и мы, первоклашки, пошли учиться на квартире в х.Вареник. Позднее этот дом купил Назаров Тимофей Андреевич. Как сейчас помню нашу первую учительницу Анну Александровну Ткачеву. Мы ее очень любили. Она была очень хорошей, грамотной, знала немецкий язык. Она нас учила в младших классах и после освобождения нашей территории.

Играли ли мы во время войны? Мы были детьми и, конечно, играли. Бабушка нам сшила тряпичных кукол и кошечек-собачек. Я была старшая, следила за детворой, чтобы они не пошли к немцам в дом. Играли мы в жмурки, в мяч, ходили купаться на речку. Любили играть в «кремушки».

Во время войны никаких праздников не было. Мы, дети, как могли, помогали старшим.

Одежда. У меня была родная тетя швея. Она обшивала всю родню на своей старенькой машинке. Мама и бабушка тоже шили. Я в 7 классе уже умела шить и кроить самостоятельно.

...Папа вернулся с фронта в 1944 году после тяжелейшего ранения и контузии. Немцев уже выгнали к этому времени с нашей территории. Был апрель месяц. Мы с мамой вышли на огород. Смотрим — к нам идет человек. Солдат в пилотке, с палочкой. Мы побежали ему навстречу.

Папа привез мне подарок — большую, настоящую пластмассовую куклу. Моей радости не было предела. Бабушка сшила ей пеленочки. Мы этой куклой играли всей улицей. После ранения папа очень долго лежал в госпитале, потом еще восстанавливался в Усть-Лабинской станции Краснодарского края. И только потом смог вернуться домой. Инвалид II группы, стал работать от сельпо. Развозил по хуторам продукты: соль, муку, сахар, конфеты и пр.

Спасал людей от голода.

В 1944 году работали в колхозе, как и везде, почти все женщины. Папу пригласили работать на ветряную мельницу в х.Вареник. Там он проработал долгие годы.

Назаров Лазарь Петрович

После Победы людям стало жить намного легче. Все были дружные. Друг другу помогали.

В нашей школе была организована художественная самодеятельность. Мы пели, танцевали, на праздники организовывали школьные выступления, вроде агитбригады.

После 7 класса на каникулах я пошла работать на ток весовщиком от МТС. Мы на своих токах во время уборки принимали зерно от комбайна, взвешивали и выписывали квитанции. За это хорошо платили.

У нас не было школы-десятилетки. Только семилетка. Поэтому мы с 8 по 10 класс ходили пешком учиться в Анастасиевскую среднюю школу. После 10 класса я поступила рабочей на швейную фабрику в г.Таганрог.

В День Победы выходили на митинг и парад школой, организациями, фотографировались. Папу всегда приглашали на митинги, вручали медали (у него было 4 или 5 медалей). Во время войны папа был танкистом.

Мы, дети войны, многое пережили. Много видели. И горько осознавать, что фашизм на Украине вновь поднял голову. Но мы надеемся, что сможем уничтожить это страшное явление, сможем победить нацистов, ведь недаром наши отцы проливали свою кровь за защиту нашей Родины.

Литвинова Анастасия Дмитриевна

Родилась 6 июня 1930 года в с. Ремонтное.

Накануне войны родители работали в колхозе, мамы в живых уже не было, у отца была другая жена.

В момент начала войны семья проживала в с. Ремонтное Ростовской области.

Начало войны не запомнилось. Отца забрали в армию, мы остались с мачехой, у нее кроме нас сестрой было еще трое детей.

Пришло известие, что отец погиб на войне. Кто-то из односельчан рассказал, что он погиб на переправе, воевал в конной дивизии. В деревне отца называли Литвын-казак. Мачехе было очень трудно прокормить столько детей, и она отправила меня, так как я была самая старшая, к тетке в Краснодар. Одежды и обуви особо не было, мачеха дала мне отцовские тапки, перевязала их на ногах, и я пошла пешком в Краснодар, а уже была зима. Сколько шла, не помню, в дороге люди помогали, где-то переночевать пускали, кто-то кусок хлеба давал. По дороге один тапок потеряла, обморозила ногу. Потом всю жизнь кожа на ней темная была. В общем, когда пришла в Краснодар, было уже тепло. И такое яркое воспоминание осталось, когда по улице идут пионеры уже без пальто, галстуки у них красные развеваются, а я стою, смотрю на них и плачу. К этому моменту уже начала пухнуть от голода. Нашла тетку. Она была одинокая, приняла меня. Отмыла, одела, во что нашла. Какое-то время жила у нее, но питались с ней на одну ее карточку. Было очень тяжело. Она устроила в меня детский дом. И это было спасение, потому что там хорошо кормили. В детском доме было хорошо, занимались с нами. Однажды детский дом эвакуировали. Нас везли на машинах через лес. Хорошо помню, как водители с пригорка выключили моторы и фары, сказали сидеть очень тихо, потому что там, в лесу, были банды. Было страшно. Тогда нам говорили, что из людей варят мыло.

Чтобы в семье отмечались какие-то праздники, я не помню. Дни рождения тогда не отмечались, редко, кто помнил точное число рождения.

Игрушки были в детстве самодельные, в основном из подручных материалов, тряпок каких-то. Про игры со сверстниками вспомнить особо нечего, нянчили младших обычно. Спортом и творчеством в основном с нами занимались в детском доме. Рацион не был богатым, но помню, обязательно давали квашенную капусту, говорили, что в ней много витаминов.

Читать научилась в школе. Какие книги читали, не помню, но учебников не было или очень мало. Писали карандашами на газетах. Учителя для нас были особенными людьми, очень их уважали и слушались.

Когда жила с мачехой, одежда была очень скромная, в основном перешитая из родительских вещей. До войны, конечно, помню, родители ездили на базар, какие-то вещи привозили, а во время войны не было одежды.

Про трудовой фронт не помню, но, когда мы закончили семилетку, нас распределили на ткацкие фабрики в Орехово-Зуево Московской области. Но это было уже после войны. Там мы работали и учились в вечерке.

Когда объявили Победу, помню, что все очень радовались.

После войны материально легче стало тогда, когда уже работала на ткацкой фабрике. Но на иждивении у меня оказалась младшая сестра. Но все равно, это было Подмосковье, можно было ездить в Москву и там себе что-то покупать. Жили в общежитии.

Военнопленных никогда не видела.

Война отобрала у меня самое главное – отца, семью. Только благодаря тому, что попала в детский дом, выжила, потом получила специальность и работу.

Лозовая Надежда Федоровна

Родилась 20 марта 1936 года в селе Александровка.

Накануне войны папа работал железнодорожником, а мама, дедушка, бабушка работали в колхозе.

Папа был железнодорожником, а мама в положении была. Отца постоянно направляли в разные места по работе, и мы вместе с ним. Жили в будках временных. Сначала на Закадычном, потом в Амросиевке. Брат родился уже в Ясиноватой. Нас везли на быках, а мы песню пели «Зашумели, загудели провода...».

На момент войны семья жила в Александровке. Хорошо запомнила начало войны. Ехали танки, а мы почему-то называли их «тачанки». Бомбить начали наше село, бомба упала впереди нашего дома, а за два дома на печке сидели 10 детей, крыша упала, а они все живы остались.

Во время войны было страшно, мне было 5 лет, а брату 12. Во время бомбежек прятались в трубе, которая была проложена под железной дорогой. Всю войну ездили за отцом по железной дороге.

В 43 –м не слышала, когда пришли наши, ни стрельбы, ни бомбежек. Потом увидела наших солдат.

Праздников никаких у нас не было, даже дней рождения не знали. Узнала дни рождения родителей только тогда, когда они на пенсию вышли.

Игрушек в нашем детстве никаких не было, бабушка из тряпок шила куклы, а мы из огурцов делали себе игрушки. Игр не помню с детьми, в основном прятались, окопы копали.

Питались очень скудно. Ходили в лес, собирали желуди, мололи их на каменных жерновах в муку. Бабушка борщ варила из белой щерицы, цветы кабачков - это как морковь была. Зеленые яблоки нападают, она их сварит, перетрет – мы кислое едим. Тем и питались, что можно был найти.

Самое главное лакомство детства – это макуха.

Читать научилась в 1944 году, когда пошла в школу. Букварь был один на всю деревню. Разлилось половодье и букварь остался на том берегу. Так родители на деревянном корыте перебрались на тот берег, чтоб взять нам букварь в школу.

Учились в разных хатах, которые уцелели после бомбежек. Только когда я училась в 7 классе, построили в Алексеевке школу.

Книг не было, негде было брать. Одна Родная речь на всю деревню. Мы собирались и читали «Сын полка», про Зою Космодемьянскую, про Олега Кошевого, книги, которые нам люди давали. Учителей не было, помню Ивана Осиповича, Клавдия Дмитриевна откуда-то приехала. Писать не на чем было, писали между строк на газетах химическими карандашами. В третьем классе мне отец привез тетрадку в косую линию, тогда только писать научилась. Чернил не было, голубой побелкой писали.

Одежда была, страшно подумать, перешитая из отцовских вещей. Носить было нечего. Мама из солдатской шинели сшила мне пальто в третьем классе.

Елка у нас была первая в 4 классе. Спилили вишню и украшения делали сами из подручных материалов, из бумаги. Доставали ее на бумажной фабрике «Красный бумажник». Мы макулатуру туда сдавали, а нам газеты разные и книги давали. Все было из подручных средств.

С первого класса помогали родителям в колхозе. Мама была телятницей – и я с ней телят пасла, мама свиноводка – и я с ней. Какой наряд в колхозе дадут, везде помогала.

День Победы не помню, потому что болела малярией и теряла сознание. А мне брата младшего надо нянчить, все на работе, а я с ним больная, сознание теряю, он плачет. Как-то справились. Когда наши пришли в 43-м помню, а День Победы не помню.

После Победы все равно было очень трудно. Папа пришел с фронта, работал в Надежде, а после работы ходил по людям подрабатывать. Мы всегда его очень ждали, потому что люди за работу давали что-нибудь съестное. В послевоенное время мы детьми все время работали и в колхозе, и посадки садили, помню в Кульбаково ездили, садили дубовую рощу. На выпускной нам сделали пончики, вот лакомство было, прямо праздник.

Немецких военнопленных я не помню, а вот когда немцы были, я различала, где румыны, где австрийцы, где немцы, я их всех знала.

После войны развлекались сами, клуба еще не было. Ходили на речку, там танцевали, пели сами. «Под язык» говорили, потому что инструментов музыкальных не было, ничего не было.

Малий Раиса Константиновна

Малий Раиса Константиновна родилась в 1934 году в селе Куйбышево (ранее Голодаевка) Ростовской области в семье рядовых колхозников Медведевых, Евдокии Нестеровны и Константина Ивановича. В семье было четверо детей. Раиса Константиновна, была третьим ребенком, на время войны ей было 7 лет. Еще до начала войны дети слышали разговоры взрослых о начале войны, и часто у бабушки интересовались - "А, что, такое война, немцы?". На что бабушка им отвечал - "Лучше бы вам не знать, что такое война". Но прошло немного

времени, и все слышали тяжелый гул от моторов немецких самолетов. Отец в первые дни войны ушел на войну. А уже в ноябре село Куйбышево было под оккупацией немцев. Неопишущий ужас объял всех- и детей, и взрослых, когда по главной дороге села загрохотали фашистские сапоги:

"...У немцев была обувь на деревянной подошве, а в селе была мостовая на улице выложенная камнем. И когда немцы зашли в село стоял такой устрашающий топот. Идут, стучат, предупреждают нас, чтоб боялись их..."

В доме Медведевых расположился штаб немцев. А мать с четырьмя детьми, младший из которых был новорожденным, приютила у себя соседка. В течении периода с ноября 1941 по февраль 1943 года село неоднократно переходило из рук в руки. Когда шли сильные бои за село, была сильная бомбежка, взрослые вместе с детьми прятались в подвалах. В подвале было сыро и холодно, а еще полная антисанитария. У детей появились на теле нарывы. Лечиться было нечем.

Когда началось наступление советской армии за освобождение села, жителей попросили срочно эвакуироваться. Мать впрягла корову в телегу, набросала соломы, и собрала своих и еще четверых соседских детей и выдвинулись в Лысогорку. Всю дорогу не прекращала стрелять катюша. Страх пронизывал всё существо. Прячься приходилось под телегой и в поле с небранной кукурузой. До первого хутора, который им попался по дороге, добрались уже в темноте, но никто из жителей не принял беженцев. Двинулись дальше. Уже позднее ночью добрались до Лысогорки. Увидели слабый огонек в одном из домов и попросились на ночлег. Пожилая пара стариков сжалились над детьми и после недолгих уговоров, приняли их и накормили картошкой.

Через неделю село Куйбышево было освобождено. После того, как бой угас, и немцы отступили из села, перед жителями открылась ужасающая картина. На окраине села, над Миусом находилась так называемая "коммуна". Там за большими амбарами находились трупы повешенных партизан. Среди них были и жители села. После эвакуации семья вернулась домой. Но там ждала новая беда. Дом был полностью разрушен. Жить приютили родственники. Есть было нечего. Мать ходила в лес и собирала листья салата. Затем перемешивала со щепоткой крупы и поджаривала на сухой сковородке. Сильно выручала корова. Для детей было молочко. В 1941 году Раиса Константиновна пошла в школу, в первый класс. *"Трудно даже вспоминать в каких условиях мы учились, пока шла война!"* - вспоминает дитя войны. С приходом немцев школу закрыли. Тогда обучение детей продолжили в доме, где жила учительница. Книг, учебников, тетрадей не было. Писать приходилось на газетах, а чернило делали из бузины. Школа работала в режиме: с утра до обеда - занятия в школе, после обеда - труд на колхозном поле или выполнение других работ. Собирали колоски, ухаживали за животными, оказывали помощь в перевязке раненым. Для раненых солдат под лазарет был выделен один из больших домов села, куда их привозили с поля боя. Бинтов не хватало, перевязочный материал делали из простыней, белья. Раиса Константиновна вместе со своей старшей сестрой ходили стирать перевязочный материал:

"Применяемые в наши дни мыло, порошок тогда отсутствовали совсем. Стирали щелочной водой, в воду насыпали древесную золу. Когда зола оседала, вода становилась мыльной и мягкой, пригожей для стирки".

Выполнение уроков приходилось на поздний вечер при свете керосиновой лампы. И только когда село полностью освободили от немцев, детей вернули в школу. Уже после войны

школу преобразовали, появились классы. Но упущенные годы учебы пришлось начинать сначала, и уже переростками пришлось начинать с первого класса. У школьницы Раи были красивые длинные волнистые волосы, но расчесать их было нечем. От безысходности она хотела обрезать свои волосы, но учительница подарила ей половинку своего "гребешка". Да и одежда детей была плохонькая, в заплатках. Раиса Константиновна с большим восхищением вспоминает, как уже после войны, ей сшили форму из синего сатина с белым кружевным воротничком, а еще в то время, очень дорожила красным галстуком. А вот с обувью было совсем плохо.

Во время войны дети сами организовывали себе полезный досуг. Игрушек не было, праздников не было, даже елки не было. Игрушки, которые они мастерили сами, помнят до сих пор. Приходилось вырезать из бумаги и лепить из картошки. С деревьев, особенно из вишни, собирали клей и таким образом все склеивали и получалась игрушка. Восторга от такой игрушки было много. Летом собирались со сверстниками играть на "выгоне". Игры были самые разные: "Ладки", "В платочек".

Самым радостным праздником стал День Победы. Как ждали этот день, как мечтали о нем. Стали возвращаться солдаты. В одних домах смех, радость, веселье, в других – гробовая тишина.

В 1947 году вернулся отец с войны, правда без ноги. Но у детей была огромная радость - вернулся отец. Вместе со старшим сыном Николаем они восстановили дом. Быт потихоньку стал налаживаться. Начиналась другая жизнь.

Мелихова Виктория Александровна

Артек и война

Июнь 1941 года. Долгожданные дни - у нас каникулы! Всегда с нетерпением их ждали, а в этом году — особенно. Ведь мы с братом Юрием поедem в лучший лагерь страны - Артек. Раньше мы бывали в пионерских лагерях, но в пределах нашего Анастасиевского района. Так, был пионерский лагерь в совхозе им.Ленина в одном из отделений. Было весело, интересно. Были в лагере села Успенка на берегу реки Крынка. Купались в реке, были экскурсии, игры, все это приносило радость, хорошее настроение, а теперь - Артек! Как там будет?

Но мы особенно не задумывались, ведь рядом с нами будет мама. У нее тоже была путевка в санаторий города Ялты. Долгожданный день настал! 21 июня 1941 года отпраздновав мое 10-летие папа проводил нас на поезд, и мы поехали в Крым. 22 июня, утром, мы уже были в Симферополе. Мама быстро нашла встречающий автобус, усадила нас, и мы отправились в Артек. Выехав за город, мы увидели необыкновенную красоту: горы, лес, серпантин дороги. Все дети сидели замороженные.

Вдруг кто-то крикнул - море! И тут же: «Оно же не черное, оно голубое». И правда — там, внизу, было море тихое, голубое, с легкой дымкой над поверхностью. Вот и Артек. Нас ласково по-матерински встречали, мы прошли всю процедуру оформления в лагерь. Нам выдали форму: шорты, курточки, пилотки белого цвета, повседневные и праздничные. Мы с братом попали в разные отряды. В комнате, где меня поселили, было несколько девочек разного возраста. Затем мы направились в столовую, которая, вероятно, была размещена в здании замка. Когда нас усадили за столы, мы не смотрели на еду, а рассматривали помещение столовой. Это была сказка! Высокий потолок в готическом стиле, стены с лепниной, позолотой, и все это — на бледно-коричневом фоне. Воспитатели прервали наше любование столовой и напомнили, что пора посмотреть в тарелки. В дальнейшем нас познакомили с режимом отдыха в лагере и началась наша лагерная жизнь, чудная, необыкновенная.

В нашей комнате что-то стало тревожно. Среди нас была девочка Инна, старше нас всех, и она плакала. Почему? В других лагерях я тоже видела плачущих детей, особенно в первые дни. Но здесь? К вечеру нам почему-то выдали еще и спортивную форму и провели беседу, что будут проводиться ночные тренировки, и вот тогда нужно одевать эту форму и спускаться в подвальное помещение. Так и случилось. Нас подняли ночью, и мы оказались в нем. Там также было чисто, уютно, стояли убранные кровати, и нам предложили разместиться на них. Я даже успела уснуть.

Но потом нас разбудили, и мы возвратились в палаты. А Инна опять еще больше стала плакать и сказала, что началась война.

Мне это ни о чем не говорило. Ведь была война с Финляндией, наши родители (врачи) были призваны в армию, и мы оставались с бабушкой. Война была далеко и закончилась победой. Ведь мы сильны, непобедимы! Но Инна плакала и нам говорила, что у нее папа летчик, и он прилетит и заберет ее. Я себе представляла: прилетит самолет, и папа увезет Инну. Через 2-3 дня Инны не стало в комнате. «Как я не заметила самолет?» Но мне объяснили: просто приехал папа и увез Инну.

Все было хорошо, но вот не приезжает мама. Она обещала: как только устроится в санатории, так и навестит нас через 2-3 дня. Встретимся с братом, поговорим и даже погрустим: «Почему нет мамы?» Не помню, на какой день пребывания в Артеке нам вдруг объявили: вечером будет особая линейка, всем явиться в парадной форме. Директор лагеря, немного поговорив с нами, сказал, что уже несколько дней идет война с немецко-фашистскими захватчиками. Но тут же успокоил нас, что скоро война закончится, мы разгромим врага, и вы отдыхайте и радуйтесь. Но тут же он зачитал правительственную телеграмму, подписанную В.М.Молотовым. В телеграмме говорилось о вероломном нападении врага, что, к сожалению, оставлены некоторые территории нашей страны. Далее он обратился к детям из Прибалтики.

Как оказалось, в этом заезде детей много было эстонцев, латышей, литовцев. В телеграмме Молотов успокоил их, что все будет хорошо, что они будут окружены особой заботой и вниманием. И еще было много в телеграмме успокаивающих, бодрящих, оптимистичных слов.

Итак, война началась в день нашего приезда в лагерь. Стало нам понятно, почему по ночам нас будили, и мы спускались теперь уже в убежище. Но наступал день, и опять прогулки, экскурсии, игры, самодеятельность, разучивание лагерных песен.

Все хорошо, пусть и война. Но почему не приезжает мама? Недели через две нам вдруг объявили, что мы все уезжаем в Москву. Все радовались, значит, это по программе отдыха в Артеке. Мы быстро собрались, вечером погрузились в поезд и поехали в Москву, искренне радуясь предстоящим впечатлениям. Москва! Кто не мечтает в ней побывать! Ведь там Кремль, Мавзолей, музеи, картинные галереи. А может, мы увидим Сталина? О, детские мечты! Утром мы были в Москве. Нас встречали, разместили в детском комбинате. Это было большое помещение с игровыми комнатами, спальнями и много-много игрушек. Питались мы в столовой, очень большой, где-то в районе, прилегающем к Крымскому мосту. В дальнейшем, уже подростком, я гордилась, что знаю, как называется этот красивейший мост через Москва-реку.

По-прежнему с нами были воспитательницы, мы много играли, пели, а вот экскурсий не было. По ночам мы по сигналу спускались в бомбоубежище. Там не так было просторно, как в Артеке. Сидели и тоже умудрялись спать. Что происходило наверху - не слышали. Так прошло, наверное, еще две недели, и нам сказали: нужно собираться, поедем в Закавказье. Я толком не понимала - куда, но Москву мы покидали. Уже в поезде мне с братом воспитательница сказала, что будем проезжать Ростов и там нас, возможно, встретят родители. Хотя и интриговала поездка в Закавказье, но увидеть и остаться с родителями была большая радость.

На второй день мы подъезжали к Ростову. Быстро собрались, воспитательница давала наставления: «Поезд идет с опозданием, мы выйдем на перрон, и вы смотрите во все стороны, ищите своих родных, от поезда не отходите. И если вас не встретят, поедем дальше». Мы так и сделали: смотрели во все глаза, но никого не было. Воспитательница нервничала. Она нас поставила на подножку поезда, т.к. объявили о скором отправлении. И вдруг мы увидели маму. Она бежала к поезду бледная, растерянная, мы начали кричать, и она увидела нас, и мы остались с ней, а поезд уже тронулся.

Далее мы доехали до станции Успенской, заночевали, а утром отправились домой в село Марфинка. От мамы мы узнали, как она «отдыхала». Приехав в санаторий к обеду, она быстро оформилась, разместилась в палате и тут же собралась на море. Был прекрасный день, спокойное море. Мама не решилась сразу искупаться, а немного побродила по воде и присела у кромки воды, опустив ноги. Все вокруг веселились, купались, из радио лилась задорная музыка, периодически делались приятные объявления. На душе было спокойно: дети недалеко, домой дала телеграмму, что доехала и устроилась хорошо. И вдруг по радио: «Погребная Софья Алексеевна. Вам необходимо срочно прийти в управление санатория, не оставляйте вещи на берегу». Первая мысль - что-то случилось с детьми или дома. Когда пришла, а вернее, прибежала в управление санатория, ей сказали: «Война. Согласно предписанию, вы мобилизованы и должны прибыть в пункт приписки - Новочеркасский госпиталь». Госпиталь был им знаком. Они с папой всю Финскую войну работали в этом

госпитале. Маме вручили билет, тут же ее и еще несколько человек отправили в Симферополь. Все это происходило так быстро, что она не успела нам сообщить о своем отъезде. А потом уже в госпитале поступали запросы из пионерского лагеря Артек, затем из Москвы, Министерства обороны, что несовершеннолетние дети находятся в пионерском лагере и их нужно забрать. В связи с приказом, присланным из Москвы, маму демобилизовали в день прибытия поезда в Ростов, где мы случайно не разминулись. Так беспокоилась о нас, детях из далекой глубинки, наша родная советская власть! Но кому мы были, казалось, нужны в такой трагический момент для страны?

Да завезли бы нас в Закавказье, сдали в детский дом и точка.

Невольно смотришь, что происходит сейчас! Кто так беспокоится о детях? Сколько беспризорных детей, сколько голодных детей в асоциальных семьях, сколько не учатся из-за отсутствия одежды, учебников?

Утром за нами приехал Трифонович, и мы поехали домой.

Нам с братом было так радостно: скоро дом, встреча с подружками, друзьями. Мы выехали за станцию Успенскую и прямой дорогой отправились в Марфинку. День был солнечный, вокруг тишина, и только пение птиц, жаворонков в небе нарушали ее. Вдоль дороги то там, то здесь были полевые цветы. Мы соскакивали с линейки и хотели сорвать цветы для мамы, но она сказала: не надо, пусть полюбуются ими и другие. Лошадки бежали медленно. Трифонович молчал, только изредка слышалось его «но», будто других слов он не знал. Проехали поселок Немецкая Колонна, потом, как нам все-таки сказал Трифонович, будет хутор Черниговский, затем хутор Музыкин, и вот тогда выедем на пригорок и увидим Марфинку. Мы почти не ехали. То бегали по полю, то по дороге. Мама нам не делала замечаний. Она была счастлива — дети с ней. Наконец пригорок. Брат стал на линейку и радостно крикнул: «Марфинка!» Я, держась за него, спустя некоторое время тоже увидела наше село.

Было так хорошо. Лошадки постукивали копытами по дороге. Небольшая пыль поднималась вслед. А птицы, будто бы не расставаясь с нами от станции Успенской, сопровождали нас и пели, пели. Мы ехали и не знали, что пройдет некоторое время и тишину полей нарушит гул машин, тракторов, бесконечных повозок с беженцами и стада коров, мычащих, истекающих слюной от жажды и голода. И в этой колонне будем, и мы с мамой спешить на Восток, спасаясь от врага. И тогда мы будем совсем другие: нас будет одолевать неизвестность, страх. А пока мы едем по мирному полю, вокруг цветы, пение птиц, впереди родной дом, а рядом - наша любимая, милая, добрая, святая мама.

Родник.- 2008.- 6 декабря.- С.3,5

Новогодняя вишенка

1943 год. Начался первый, хотя с опозданием, после оккупационный учебный год. После 2-х лет оккупации мы все радовались встрече с одноклассниками. Не пришел в школу Коля Ковалев, который первым из марфинцев был расстрелян на пожарной вышке, которая стояла рядом с домом Жукова, а сейчас Савина Павла Григорьевича. Немецкая колонна, только вошедшая в село, двигалась по центральной улице. Немцы заметили человека на вышке и — выстрелом из автомата Коля был убит. Не пришел в школу и Коля Логвинов. За несколько дней до освобождения села от немцев их семья, мать и трое детей, погибли в подвале при бомбежке.

Занятия в школе шли своим чередом - уроки, перемены. Было трудно с учебниками, бумагой, чернилами. Умельцы, конечно, стали добывать бумагу из гильз немецких снарядов, а их было достаточно в брошенных немцами складах с боеприпасами, которые находились в районе кладбища на окраине села.

Приближался Новый год. Однажды наш классный руководитель, рассказав об итогах учебы и о войне, вдруг остановилась, стала грустной и спросила: «Дети, поднимите руку, у кого в семье или у близких родственников кто-то погиб на войне». Наступила тишина. У меня погиб папа (тогда я ещё не знала о погибших дяде, трех двоюродных братьях и сестре). Странно, но никто не поднял руки.

Учительница, несколько растерявшись, спросила: «Петя! А у тебя все живы?». Петя поднялся с парты и, опустив голову, тихо сказал: «Там папа и дедушка воюют...»

Она ничего не ответила. Я заметила, что на глазах у неё появились слезы, и она быстро подошла к окну, смахнула набежавшие слёзы, немного постояла, затем улыбнулась и радостно сказала: «Дети! Скоро будем встречать Новый год!» с разных сторон кричали: «А где Ёлка? Подарки?» А она громко и уверенно сказала: «Будет Ёлка! Будет Дед Мороз! Будет Снегурочка! Будут подарки!» мы захлопали от радости, кто-то кричал «Ура!»

А учительница: «Успокойтесь, давайте поговорим о деле. У кого из вас есть ёлочные игрушки?» Многие ответили: «Нет».

«Будем сами делать игрушки завтра, после уроков. Приносите бумагу, картон, краски, цветные карандаши, у кого есть, и будем делать украшения для ёлки» - продолжала учительница.

Поднялся радостный шум, все наперебой говорили, у кого, что есть и засобирались домой.

На следующий день мы уже вырезали из картона разные фигурки, раскрашивали бумагу в зеленый цвет, клеили цепочки.

Вот и наступил долгожданный день. Нам объявили, что завтра уроков не будет, будем праздновать наступающий Новый год. А мы уже видели, как из 6-го класса – это самая большая комната в школе, окнами на север, на речушку у подножия школьного холма, выносили парты, столы. Я с подружкой и ещё несколько детей не спешили домой, нас разбирало любопытство: «что происходит в 6-ом классе?»

Поддерживая друг друга, мы заглянули в класс. - Иван Савельич и семиклассники, в их числе и мой брат Юрий, устанавливали роскошную вишню-ёлку. Девочки повесили игрушки, цепочки, разбросали под деревом вату - «снег».

Кто-то из учителей вышел на улицу и сказал нам: «Немедленно домой!»

На другой день в назначенное время мы собрались в своем классе. Все чистенькие, в постиранных платьях (праздничной одежды ни у кого не было), кое у кого была одежда не наша, заграничная. Накануне школа получила посылку с вещами для детей, как говорили «из Америки». Моему брату, после долгих примерок, подошёл пиджак. Как все были рады.

Приготовление закончено и нас позвали на праздник. Не знаю почему, но в школе пахло ёлкой, как в давние годы. Конечно, от воображения.

Распахнули дверь, и мы вбежали в класс. О, какая это была красивая, необыкновенная ёлка. Вся в зеленых цепочках, новогодних игрушках, покрыта снегом (ватой) и правда казалась настоящей ёлкой, мы радовались, кричали, перебивая друг друга. Наконец нас попросили успокоиться - праздник начался.

За столом, покрытым скатертью, выступил директор. Поздравил с Новым годом, пожелал всем здоровья, отличной учебы. Тут же вспомнил о войне, надо хорошо учиться, не

огорчать родителей, своих близких, сражающихся на фронтах с врагом, помогать своим бабушкам, мамам, ведь им предстоит большая работа распахивать заросшие бурьяном поля, сеять. По-прежнему мы живем под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!» наступило время награждения детей. На столе стопка книжек, но как они были дороги.

«Где они купили?»

Я получила книжку «Горы в долине» желтого цвета, глянцевая. А внутри на обложке «Награждается за отличную учебу и примерное поведение». Эту награду я храню до сих пор.

Началось веселье, пели песни, читали стихи, проводили конкурсы. Я читала стихотворение о Сталинграде:

*«Это город герой, это город солдат,
Это наш Сталинград боевой...»*

Водили хоровод вокруг ёлки и пели вечную песенку «В лесу родилась ёлочка». Я пела рядом с Колей Сергеевым, нашим лучшим учеником в классе, школьным поэтом. Он тут же перефразировал: «В саду родилась вишенка, в саду она росла и много, много радости ребятам принесла». Да, эту вишенку, с израненным стволом осколком, срубили на пустыре. Она рано сбросила листву и вряд ли бы она зазеленела весной, но детям радость принесла, это последняя радость, которую она дарит детям. А мы с Колей пели, он на ходу сочинял, я прислушивалась и подпевала ему. В наступающем году Коля сочинил стихотворение «На взятие Будапешта», которое затем поместили в школьной стенгазете. (Где же ты теперь, мой школьный друг?)

В веселье, в песнях, в шуме и радости мы нет-нет да посматривали на Деда Мороза: «Когда же он будет угощать подарками?» И вот радостное: «Дети! Подходите ко мне за подарками». Вынесли подарки. Все старались получить первыми. Учитель успокоил всех, попросил сформировать очередь. Подарки были необыкновенные. В кульках, из той же бумаги из гильз от снарядов, было домашнее печенье, изготовленное родителями-умельцами, печенье в виде разных фигурок, бублики, пряники. О! Какое богатство, какая вкуснота! Мы тут же наслаждались содержимым кулков. Быстро одевались и спешили домой показать хотя бы остатки подарков. Через день, в полночь, прозвучат Кремлевские куранты и возвестят о Новом, хотелось бы победном, годе. Нет, он будет победным, врагу же за пределами нашей Родины! Но по-прежнему будут лететь белыми птицами солдатские письма-треугольники родным и, между ними, «черным вороньем» «похоронки». И все-таки, все-таки долгожданная Победа приближалась.

Мои одноклассники.

1. Вася Анохин - он вернулся из эвакуации, в будущем командир подводной лодки «50 лет Октября»
2. Петя Селезнев - лучший математик класса, в будущем Лауреат Сталинской премии за открытие с группой геологоразведчиков «алмазной трубы» в Сибири
3. Коля Сергеев - мой друг детства, закончил мореходное училище
4. Валя Мукий - счетовод, колхозница
5. Катя Жукова - в будущем медицинский работник
6. Ваня Безручко - в будущем летчик, полковник
7. Коля Музыка - комбайнер
8. Вася Ломов, Надя Карпова и многие другие.

С искренней любовью к Марфинке и её людям, всегда ваша В.А.Мелихова.

Анастасиевский вестник. - 2012. - №2. - С.1-2.

Михалкова Ольга Никитична

Михалкова Ольга Никитична родилась 17.12.1927г. в селе Латоново. В семье было 2 детей, жили скромно. Родители работали, дети помогали по хозяйству.

Довоенная жизнь: родители купили ей первую игрушечную куклу, с которой она не расставалась. На праздники собирались шумные компании, и взрослые, и дети. Пели песни, танцевали под гармошку.

Перед самой войной родители построили новый дом. Небольшой, две комнаты и кухня. Мазать глиной дом, выходили почти все односельчане. Глину с соломой месили колхозные лошади. Мужчины носили глину вилами к дому, а женщины мазали стены снаружи и внутри. Было весело. Все шутили и смеялись. Бросались друг в дружку глиной. А, когда дом был готов хозяина и хозяйку вымазывали глиной, затем сажали на тачку и везли в речку купаться. Посреди двора ставили столы, готовили угощения: картошку, сало, соленья, взвар (компот) и самогон. Все село отмечало строительство нового дома.

В 1934 году пошла в 1 класс. Училась до 5-го класса.

Когда началась война дети, вместе со взрослыми женщинами работали на полях колхоза. Они сажали и выращивали овощи. Уставшие после прополки, они ложились на горячую землю отдыхать и каждый слышал, как из – под земли доносились какие-то глухие удары. «Это камень где-то взрывают», -говорили старшие. Никто не знал, что началась война. Но вскоре стали по ночам забирать мужчин. Так взяли прямо с работы дядю, тракториста Шиленко Николая Григорьевича. Ему дали время помыться дома, собрать кое-какие вещи, взять продукты, проститься с родными. После этого он с семьей пришел в центр села. Там уже ждал конюх на бричке. Они поехали в сторону Матвеево-Кургана. Только слышно было в ночи, как скрипят колеса. Тогда люди узнали, что началась война. Мимо деревни стали проезжать беженцы, в основном евреи. За одну ночь исчезло все руководство. Своим ходом погнали в тыл весь скот, на арбах везли свиней, птицу. Одна арба сломалась в километре от деревни, и все утки пришли назад на ферму. Армию надо было снабдить продуктами, но, из-за быстрого продвижения немцев, животных не удалось угнать далеко. В деревне появились верховые. Видя, что народ толпится у магазина, солдат сорвал замок. Толпа хлынула туда. Хватили кто, что может: столы, босоножки, пуговицы и др. За мгновение магазин опустел. А в это время грабили колхозную кладовую: тащили овощи, сметану, мясо. Женщины, с растрепанными волосами, руками гребли из бочек мед. Из амбаров везли зерно. Мать пригнала с фермы стельную корову Люську. Она была больна ящуром и плохо ходила ногами, поэтому ее не угнали. Коровку выходили, она благополучно растелилась и некоторое время поддерживала семью, но потом, когда в село вошли наши солдаты, ее забрали, как незаконно приобретенную.

В начале октября вместе с братом Шиленко Егором Григорьевичем, его женой Натальей Матвеевной, соседом Вороновым Пантелеем, родственницей Комаровой Татьяной Трофимовной запрягли в арбу колхозных волов и поехали копать колхозный картофель. Выехали за деревню, а на бугре много солдат. Они продолжали двигаться к "Водяной балке". Поднявшись на бугор, снова увидели на поле под копнами соломы солдат. Они сидели и ели кто свеклу, кто початок кукурузы. Солдаты их остановили, спросили, куда едут и отправили обратно, предупредив, что здесь будет стоять фронт.

14 октября Латоново и все хутора совета были захвачены фашистами. На месте боя, у кукурузного поля, латоновцы увидели первые жертвы, советских воинов, защищавших село. Потянулись мрачные, долгие дни оккупации. Захватчики грабили население, забирали последние продукты питания, птицу, домашний скот, людей - зимой, выгоняли из домов, которые превратили в солдатские казармы. Многие общественные строения были разрушены, строительный материал вывезли на сооружение военных объектов. С первых дней, фашисты установили свои непонятные советским людям гестаповские порядки: запретили людям общаться друг с другом, в селе и на хуторах хозяйничали коменданты, которые за малейшее неповиновение грозили расстрелом. Но запугать наших людей, сделать их послушными врагу не удалось. Население жило надеждой и верой в нашу победу и, рискуя жизнью, чем много помогло Родине, громили захватчиков.

В детские игры во время войны мы не играли. Многим из нас приходилось работать в селе на собственных земельных участках, свой даже небольшой урожай позволял выжить и не умереть с голода. Да еще и немцы отбирали половину.

28 августа наши войска освободили село. Началось восстановление разрушенного хозяйства. И ожидания полнейшей Победы.

В мае 1945 года женщины вышли на колхозное поле сажать рассаду помидор. В то время всякая работа сопровождалась песней. Во время войны обычно пели грустные песни. Вдруг вдали увидели конного. Он гнал лошадь во всю прыть и что-то кричал. Когда приблизился все узнали бригадира. Он соскочил с лошади и уже охрипшим голосом стал кричать: «Бабы, Победа». Все стали обниматься, плакать, кричать «Ура». Вечером в центре села собрались все жители. Радовались, играла гармонь, и теперь все стали петь веселые песни.

Паращенко (Данильченко) Зоя Александровна

Когда началась Великая Отечественная война маленькой Зое было 5 лет, кроме нее была ещё старшая сестра Клава. Жили до войны бедно.

Когда отца, Данильченко Александра Нестеровича, вызвали в военкомат (маленькой Зое запомнилось, как в это время её мама варила большую кастрюлю узвара), он взял расчет в колхозе принес деньги, и они как смогли собрали ему самое необходимое. Сбор был возле клуба села Григорьевка, все плакали, а Зою папа взял на руки и сказал: «...Мы этих фрицев шапками закидаем, и я быстренько вернусь». Больше своего отца Зоя не видела. Помнит только кто-то из односельчан пришел и принес ей халвы и сказал, что это передал отец (похоронку получили через 2 месяца как его забрали на фронт, они с обозом проходили мимо ручья, напились воды и когда стали отъезжать подорвались на mine).

Данильченко Александр Нестерович

Во время оккупации их дом разбомбило, жили в землянке (это была вырыта яма, накрытая ветками), а во время сильных морозов и дождей прятались в уцелевший подвал. Еда была очень скудной, ели коренья растений, лебеду, крапиву и, если повезёт, то могли найти в степу птичьи яйца. Однажды, весной, они с сестрой собирали грибы (сморчки). От голода Зоя наелась сырых и её ели откачали. В семь лет её забрала сестра мамы в село Мало-Кирсанову, но через неделю она сбежала домой. Выживали как могли, нанимались с сестрой на всякую работу за зерно и макуху - самое большое лакомство. Ходила по полям (после того, как поля уберут) собирала колоски, а по осени кукурузные початки, страшно было, если бы поймали, неизвестно, чем могло бы закончиться даже для ребёнка.

День Победы конечно встречали со слезами на глазах. Радостно было тем семьям у кого солдат вернулся домой. Так как у бабушки по линии отца на фронте погибли ещё 3 сына, то она забрала Зою и её мать с сестрой к себе.

После войны Зоя Александровна окончила всего 5 классов. Рано пошла работать на ферму дояркой, тяжело было, зарплаты не было, работали за трудодни, но выжили. На ферме проработала до самой пенсии.

Конечно, горько вспоминать то время, никто и подумать не мог, что такое повторится.

Семенченко Евгения Николаевна

Я родилась 13 сентября 1939 года в Малокирсановке. Семья у нас была большая: мама, папа и 6 детей. Мама не работала, потому что занималась воспитанием детей. Отец работал в колхозной мастерской, почему не воевал я не знаю. Во время оккупации есть было нечего, семья большая, а из хозяйства была только птица и небольшой огород. Летом было попроще, а зимой голодно, ели картофельные очистки. Из-за недостатка еды я часто бывала у бабушки, которая жила в другой части села, у неё была корова и лошадь. Дедушка был на войне.

То, что вокруг война я понимала, хоть и не осознавала всю её суть. Помню, как во время обстрелов бабушка заворачивала меня в одеяло, сажала в телегу и везла под гору, там мы прятались в балках и оврагах. Бабушка ругалась, не разрешала мне вставать с земли, укладывала лицом вниз и накрывала одеялом. Было очень страшно. Так мы и прятались, пока не кончится обстрел, потом возвращались домой. Больше всего мне запомнились эти обстрелы.

В доме у бабушки немцы не жили, но в селе были повсюду, бабушка их боялась и прятала меня от них. Хотя немцы были всякие, в основном, не сильно лютовали. Некоторые были суровые, кричали что-то на немецком языке, угрожали оружием, а некоторые и подкармливали. Помню был случай, в центре села тогда люди собирались: кто-то что-нибудь продавал, а кто-то — покупал. Пришли мы с бабушкой на этот базар, а там немец ходит, всё рассматривает, а из кармана у него шоколадка торчит, прям выпадает. Я эту шоколадку и потянула себе. Бабушка как увидела это, очень испугалась, побледнела вся, затряслась. Стала ругать, говорит: «Ты что, дядя же тебя убьёт! Нельзя, отдай сейчас же!». Мне стало страшно. Немец заметил из-за чего переполох, но не рассердился, а улыбнулся, погладил меня по голове, сказал что-то на своём языке и ушёл.

Немецкий язык я не понимала, хотя некоторых ребят немцы учили своему разговору. На улицах дети почти не играли, а дома не было ни игрушек, ни книг. Я любила играть со старым бабушкиным платком, заматывала в него тряпки, будто это кукла. Одежда у нас была старая, та, что осталась от старших детей, а обуви была одна пара на всех. Зимой на улицу по очереди выходили, а летом босиком бегали.

Во время войны в школе я не училась, после уже окончила 3 класса и пошла работать в колхоз, тогда время тоже тяжёлое было.

В день Победы радости было много, люди на улицах плакали, обнимались. Теперь односельчане ждали возвращения с фронта родных, мой дед вернулся, а многие — нет.

Скляренко Александра Григорьевна

Еще одна история судьбы маленькой крошки – кудрявой Шурочки, родившейся в канун войны. Несмотря на совсем крошечный возраст, война не обошла стороной ее большую дружную работающую семью. Фашистский кованый сапог растоптал прекрасное светлое будущее маленькой девочки. Как известно, в среднем ребёнок начинает осознавать себя как личность с 3–4 лет. Именно с этого возраста и на всю жизнь сохраняются первые яркие воспоминания об окружающем мире. А для маленькой Шуры главное было вовремя покормить, переодеть и поиграть- чуточку совсем. А остальное...как сложится.

Для нее война – это потеря самых близких родных людей, Война в ее памяти - это рассказы...Рассказы старшей сестры и брата, которые были немногословны. Просто жили и много работали... И так было почти со всеми...

Скляренко Александра Григорьевна в девичестве – Левченко, родилась 27 февраля 1941 года в хуторе Красная Горка. На момент начала Великой Отечественной войны семья Левченко состояла из 6 человек. Мать – Мария работала дояркой, отец Григорий- трактористом и четверо детей – Тоня, Нина, Алексей и Шура. Самой младшей была Шура.

Эти воспоминания основаны на рассказах близких людей и родственников, которые слышала маленькая Шура.

-Что вы помните о начале войны? Как вы узнали, что началась война?

«Что я могу помнить, когда я родилась перед началом войны в феврале 1941 года. Конечно, что-то рассказывали, но оно стирается в памяти».

- Какие решения приняли Ваши родители в тот момент?

«Какие решения?... Отца в первые же дни забрали на фронт, основные испытания легли на плечи матери и старших детей».

-Что Вы помните об оккупации?

«Я ж крохой была, это ж, наверное, в то время, когда шел Миус-фронт, тогда была оккупация. Ну, зверств таких не учиняли, по рассказам. Ну, конечно, угнетали людей, стирать заставляли и еду готовить. Так же себе выбирали укромные места, откуда выживали

жителей. Моя свекровь, их две семьи согнали в сарай, было пять человек. А немцы заняли помещение- дом. Но дело в том, что, не в двери ходили, а в окно запрыгивали».

- А почему так?

«Не знаю, так им нравилось. И с улицы бежит и в окно, там же низеньки были окна. Мой муж, в то время ему было лет 8. Он любил кататься на козле. Ну, а немцы фотографировали, хвастались, что пошлем домой фотографии - Вот русский казак! На козле. В то время я была маленькой, беленьки кудряшки были, и немцы принимали меня за свою. И угощали всякими вкусностями шоколадками. У них это было в изобилии. По рассказу бабушки, была дислокация в Неклиновке, в основном летчиков. И они приезжали оттуда аж сюда на отдых, хотя какая тут природа? Тут, наверное, такой бомбежки не было. Вот они поставили в сарай лошадей своих, а лошади огромные были- тяжеловозы. А там бабушкина корова стояла, ну корова лошадь убила, конечно немцам это очень не понравилось, они там повозмущались ... Но бабушке ничего не сделали и корову пощадили, вот так было. Ну, а потом, при отступлении, они угоняли стадо коров, и эта корова сбежала от них и прибежала домой».

- Как немцы разговаривали с вами?

«Та ну как же, какие-то слова русские, а то больше так, догадывайся. Если требуют чего-нибудь, то назовут: «Яйка», «Курка», «Млеко».

- Как изменился быт?

«Выживали как могли. Конечно, быт совершенно изменился, потому что подстраивались люди. Что б как-то выжить».

- Не воровали друг у друга?

«Да ни в коем случае. Конечно нет».

- Что Вы помните об эвакуации?

«... По-моему у нас никакой эвакуации не было. По крайней мере нашу семью это не коснулось. Леня был подростком, на момент начала войны ему исполнилось 10 лет, а Тоня немного старше. Чтoб угоняли немцы, может и на какие -то угоняли на работы ну, так, что б на окопы или куда. Но что б в Германию, в наших местах не слышно».

- А жили вы в том же доме? Или может переехали куда-то?

«Я помню дом, в котором мы жили, покуда не построили себе дом на три хозяина. Вот у нас была как спальня, потом маленькая комнатка, потом коридорчик и все. Жили очень скромно.

Папа был на фронте, погиб в конце войны в 1945, в феврале месяце. И отец мужа тоже погиб в 1945, и тоже в феврале».

- Чем занимались родственники во время войны?

«Во-первых, во время войны у нас все и брат, и две сестры, и я крошечна в пеленках, мы все болели тифом. И одна сестра Нина от тифа и умерла. А Тоня и Леня, они выжили, и я в том числе... Во время тифа волосы выпадают».

- *А были ли какие-нибудь лекарства?*

«Понятия не имею, чем лечили, что такое ...»

- *А еще были вспышки каких-либо заболеваний?*

«Это я знаю, что по моей семье рассказывали, а так, таких локальных не слышала».

- *А вши?*

«Ооо, та это было, и во время войны, и после войны. Недостаток мыла. Жгли подсолнухи, ботву, и эта зола она была как щелочь. И вот ее в тряпочку и растворяли в воде. И купались, и стирали вот этим. Дома такого нашествия не было. Дома боролись».

- *А с гигиеной как было на фронте?*

«На фронте какой-то источник воды находили».

- *Кто –нибудь из родственников работал во время войны?*

«...Во время войны работали, естественно. Если оккупации не было ... И трактористы, были такие трактористы, что бронь, потому их на фронт не отправляли. Они оставались и работали в колхозе. Женщины на тракторах работали, много женщин работало».

- *Какая была зарплата и как они тратили ее?*

«Зарплата была, бабушка рассказывала, трудодни. И на эти трудодни палочки. Вот сколько палочек заработал, а деньги, откуда деньги, все уходило на фронт. И люди, я тебе скажу, не считались не с чем, а шли и работали».

- *Была ли возможность отдыхать во время войны?*

«Может, отдушину люди какую-нибудь и находили, это сейчас- телевизоры и все такое. А раньше и во время войны так же сходились и кусок черного хлеба делили на всех, и песни были, песни были о войне и очень грустные».

- *Остались у Вас какие – ни будь яркие воспоминания о войне?*

«Ну что там может запомниться? Помню яркое солнышко, колодец во дворе, и я каждое утро возле колодца на солнышке сяду и сижу. Ну еще там, в этом же доме жила семья и у них был мальчик Саша. Он немного старше меня, присоединялся и мы сидели вдвоем. Мама всегда в работе, сестра тоже в работе, а потом в 1947 построили себе домик, а в 1949 умерла мама...»

- *Что Вы помните о Дне Победы?*

«Слезы...слезы утраты, те радовались, к кому приходили, возвращались свои родные, а к кому не вернулись, ну ладно, порадовались, там за брата ...Дед Никифор Федосеевич, бабушкин брат, он вернулся. Был в Германии. А мой отец не вернулся... Кто радовался, а кто слезы лил».

Сорокалетова Раиса Филипповна

Сорокалетова Раиса Филипповна родилась в 1933г в Воронежской области в колхозе "Пчелка", в семье рядовых колхозников Буравлевой Марии Тимофеевны и Щепкина

Филиппа Ивановича. Населенный пункт был небольшой, насчитывалось всего 20 дворов. На время начала войны ей было 7 лет, шел 8-ой год и осенью в сентябре Раиса Филипповна пошла в школу, в первый класс. Отец после объявления войны в августе месяце был призван на войну. Стояли очень жаркие дни. Село опустело. Все мужчины ушли на фронт. Начала войны не помнит. Село находилось далеко от районного центра, но военных действий и немцев в селе не было. Были слышны только взрывы, гул самолетов, по словам взрослых, бои проходили где-то в районе 3-х километров от села. Со слов Раисы Филипповны: "...Я так понимаю, что мы были окружены. Все, что производилось в колхозе тут же раздавалось населению, никуда не вывозилось, все было перекрыто, так как вокруг шли бои, и продукция вся оставалась в колхозе. Поэтому, для жителей этого села все шло своим чередом и голода не ощущалось". Уже в декабре 1941 года семья получила похоронку на отца. Погиб под Ленинградом. Мать с утра до ночи трудилась на колхозном поле. Поля были засеяны рожью, а еще в колхозе выращивали свеклу. Раиса Филипповна вспоминает будние дни из своего детства с грустью. На детей легли взрослые заботы. Все ученики вместе с учителем и даже дети помладше выходили на поля и помогали взрослым. Им привязывали бутылки, и они собирали по пшенице клопов, весной - летом собирали цветы ландыша, донника, для лечебных целей, осенью убирали свеклу. Перебирали горох, оставляя лучшие семена для посева. Но особенно трудно было подросткам в жатву, когда убирали рожь. В селе не осталось мужчин и женщинам с детьми приходилось убирать урожай хлеба. Одна женщина шла впереди с косой и скашивала колосья, другая - вяжет "крестцами"(чтобы дождь не попадал на колосок), а дети относили снопы на конюшню. Недалеко находилась молотилка для обмолота. Осенью развозили семена подсолнечника по дворам и население раскладывало их дома на печи для просушки. А потом опять все это собиралось и свозилось на маслоцех.

За весь период ВОВ боевых действий и немцев в селе не было. Занятия в школе проходили каждый день. Праздники, конечно, не отмечались, но елочка к новому году в школе была. Недалеко от дома был клуб, но во время войны, там разместили детский сад. Библиотеки в селе не было, читали только в школе, да и только букварь, так как на время периода войны училась в начальных классах. Учитель - Анна Федоровна, которая демобилизовалась с войны по ранению, каждый день приходила на занятия из другого села. Была очень строгая, но рассказывала так, что детям все запоминалось. И всё же дети были детьми. Играли в похожие игры. Мастерили кукол из "тряпочек". Напевали им одни и те же колыбельные.

Во время войны питание в доме было относительно хорошее. В основном ели гречневую кашу, а еще запомнился кулеш - пшенный суп. На огороде выращивались овощи: огурцы, помидоры, картофель. В конце лета все это засаливалось в бочках и зимой употреблялось в пищу. Во дворе держали корову, поэтому недостатка в молочных продуктах не было. Сейчас особенно вспоминается горячая горбушка домашнего хлеба, который часто пекла мать. Горбушку посыпали солью и натирали чесноком. А еще в колхозе была пасека и жителям один раз в год раздавали мед. Из воспоминаний Раисы Филипповны: "...помню один раз мама принесла полное ведро меда..."

Самым запоминающимся событием стал День победы. Громкие возгласы, радость и горе рядом. Горе оттого, что не вернётся уже никогда к семье отец. Когда война закончилась, их учеников собрали в школе и сказали об окончании войны. Все радовались, плакали от счастья. Потом детям показали немое кино, как солдаты возвращаются домой. Из всех мужчин села домой вернулся только один.

После Победы стало жить тяжелее. Наступил неурожайный год. Есть было нечего. В 1946 году людей в селе не осталось. Все из села разъехались на заработки. Мать Раисы Филипповны вместе с дочерьми завербовалась на Урал, а в 1947 году уехали в Киргизию. Там прошло все остальное детство. И только в 90-х годах Раиса Филипповна, уже вместе со своими взрослыми детьми вернулась опять в Россию.

Тяжлов Николай Иванович

Я родился 30 июля 1937 года в селе Малокирсановка, тогда это был Анастасиевский район. В семье было 5 детей, я третий по счёту. Родители работали в колхозе, отец — животноводом, а мама — разнорабочей. Мы жили на пересечении улицы Аникиенко и Колхозного переулка, сейчас на том месте, где стоял наш дом проходит асфальт.

Когда началась война мне было 4 года, я помню это время, отец ушёл на войну, а мать нас, пятерых детей, постоянно прятала на окраине села под горой и по балкам от обстрелов.

Во время оккупации немцы всех выгоняли на работы. Матери целыми днями не было дома, жители и окопы рыли, и дорогу строили. Всё на женские плечи было переложено. Старшие дети помогали, и мы тоже старались. Например, на полях собирали колоски, раньше же техника такая была, что случалось много потери урожая, вот мы и собирали потом по полю то, что потеряно было.

В нашем доме немцы жили, 3 человека. Мы с мамой жили в сарае, а они — в доме. Немцы нас не обижали, мне даже помогли, когда я заболел. Одежды не было, ходили в одном и том же, за старшими донашивали. В зимнее время на себя надевали всю одежду, чтоб согреться. С обувью тяжело было, поэтому мы босые ходили. У немцев питание хорошее было, а мы голодные бегали, и они нас подкармливали, даст немец какую-нибудь работёнку, мы выполним поручение, а немец потом угощает нас. Иногда немцы забирали у жителей села молоко и яйца, но в основном они были своим питанием обеспечены. Мы ели то, что сами вырастили, у нас была корова и куры. Люди засаживали огороды и колхозные поля. Летом, когда бахча поспевала, на поле выставляли столбы в виде виселиц, чтоб ребятки не воровали урожай. Был сад колхозный, но там сторожа были. Зимой тяжело было с едой, а летом попроще. Ели похлёбки, борщ и вареники по праздникам.

Хотя праздники и не отмечались, иногда на церковные праздники бабушки собирались в доме около клуба, там батюшка им службу служил, и немцы некоторые приходили туда, ну а мы подглядывали только.

Дети помладше играли во дворе или бегали по улицам, по соседству много других детей было. Игрушек не было никаких, девочки шили что-нибудь из тряпочек и ваты, а мы с палками играли, машинка если где-то попадётся, то это счастье было. Отряда партизанского у нас не было, но ребята постарше старались немцам как-то навредить, диверсию какую-то сделать, воровали питание и боеприпасы. И к старшим мальчишкам немцы относились строго, угрожали, в страхе держать пытались.

Во время оккупации хорошего не было, не было воли у нас. Война не стала для нас обыденностью, мы всё равно ждали, что будет другая жизнь, ждали победы, ждали возвращения родных.

Когда немцы отступали, село сильно бомбили, все жители спрятались в низине под горой и смотрели, где и чей дом горит. Страшно было. С холма все дома стёрли. Наш дом разбомбили. Но он был не полностью разрушен, поэтому мы его как могли подлатали, крышу укрыли, а позже купили дом в Школьном переулке.

Когда немцев выгнали, стало немного попроще, дети в школу пошли, большие классы тогда были. Но не было ни книг, ни тетрадей, палочки счётные и чернила сами делали.

В День Победы счастья и шума было столько, что не передать, все радовались свободе. В центре села вырыли большую братскую могилу, там похоронили и защитников села, и партизан, и просто жителей погибших. Отец мой вернулся, матери стало попроще. А нам повеселее, в селе стали показывать кино, денег у нас не было, так мы на чердак залезали и в дырки смотрели на экран. Но жизнь до 1947 года была тяжёлой, надо было теперь хозяйство восстановить. Взрослые по очереди всем миром дома отстраивали, приходили на выручку друг другу. А потом с каждым годом всё лучше и лучше было.

Федосова Антонина Дмитриевна

Федосова Антонина Дмитриевна, 1935 года рождения, уроженка села Греково-Тимофеевка, Матвеево-Курганского района, Ростовской области.

Мои родители – отец Коваленко Дмитрий Васильевич 1908 года рождения и мама Коваленко Домна Архиповна 1902 года рождения жили и работали в селе Греково-Тимофеевка. В семье было четверо детей: старший сын Андрей и три дочки –Маруся, я и маленькая Надя.

Когда началась война мне было шесть лет от роду. В первые дни войны практически все мужчины села ушли на фронт, в том числе и отец. В селе оставались одни старики. Помню, как мама сильно плакала, когда уходил отец. Мы с Марусей и братом Андреем спрятались за печку в хате и тоже плакали, а сестра Надя была совсем грудным ребенком.

В моей памяти сохранился момент, когда немцы заехали на мотоциклах в село, ехали по улицам, а к нашему дому подъехал мотоцикл с двумя немцами - один за рулем, а другой сидел в коляске с автоматом в руках. Подъехали и говорят маме: «Матко, яйко, млеко...». Мама вынесла им яйца и молоко, и они уехали.

Жили мы бедно, но в нашей семье было одно богатство - корова. Она была нашей кормилицей. Когда начинались бомбежки, мама брала меня, Надю и Марусю, и мы бежали прятаться в окопы, а брат Андрей оставался на подворье и прятался в подвал или по сараям с нашей коровкой. Мы боялись, что, если не станет нашей буренки – мы тоже не выживем.

Помню, как в нашем доме поселились немцы. Хатка была небольшая на две комнаты - в одной жили мы, а в другой немцы. Однажды они принесли консервы – им выдавался сухпаёк, пообедали, и одну банку оставили открытой на столе, а сами вышли. На запах пришла кошка и съела консерву. Мама, увидев это, стала плакать и говорит: «Ну все, детки, давайте прощаться, сейчас немцы придут, увидят, что ничего не осталось и убьют нас за это». Мы от страха тоже стали плакать и тут входят в дом они- увидели, что на столе стоит пустая консервная банка. Мама стала объяснять им, что это не они, съели, а кошка. Честно сказать, мы приготовились к худшему, но немцы поверили и ничего нам не сделали плохого. Один немец стал часто заходить в нашу комнатушку, и играть с сестрой Надей, она была совсем маленькой - лежала в люльке, подвешенной к потолку. Вот он придёт, постоит возле люльки, поиграет с ней и уходит. Однажды мама осмелилась спросить есть ли у него дети, немец показал на пальцах – трое. А Надя была такая худенькая, мама все боялась, что она долго не проживет. И вот однажды этот немец, что игрался с Надей сказал маме, что если вдруг она умрет, то он её убьёт, потом пошел в свою комнату и принес нам детские книжки.

Помню еще один страшный случай, как прилюдно при всех жителях повесили Красильникова Михаила. Это был поминальный день - Радоница, день особого поминовения усопших. Жители села были на кладбище. Вот пришли туда немцы и стали сгонять и взрослых, и детей в центр села к большой акации. Это была страшная картина, запомнившаяся мне на всю жизнь...

Когда окончилась война, весть о победе быстро облетела село: все радовались и плакали одновременно. Кто-то от счастья, что скоро мужья, отцы вернутся домой, а кто-то от горя, что своих родных они уже не увидят никогда. Наш отец, Коваленко Дмитрий Васильевич, вернулся с войны, работал сначала бригадиром, затем несколько лет проработал председателем колхоза «За Темпы».

Фролова Валентина Саджоновна

Родилась я в городе Таганроге, во 2-ой больнице, 29 апреля 1938 года. Отца своего не помню, мать работала на заводе, а воспитывали меня дедушка с бабушкой, в деревне Отрадной. Помню, как однажды пришел немец и хотел забрать дедушку. Бабушка испугалась, думая, что его ведут на расстрел, запрятала его в погреб. Но его нашли и отправили рыть окопы недалеко от п. Матвеев-Курган, где сейчас на вершине Волковой горы стоит огромный сверкающий якорь.

Самым страшным воспоминанием о тех годах был голод.

Кусочек хлеба делили на три части: на завтрак, на обед и на ужин. Бабушка варила жидкую манную кашу и намазывала кашу на хлеб. До сих пор помню эти самые вкусные в моей жизни бутерброды. А лакомством в семье были вареники с вишней. Помню, как однажды бабушка сделала вареники, чтобы накормить меня, а немец пришел и все забрал.

...При всех тяготах и горе вокруг, мы все-таки оставались детьми. Нам хотелось бегать, играть, веселиться. Мы собирались с ребятами во дворе и играли в лапту, «Чижика», «Камушки», хоть на какое-то время забывая о войне, голоде, страданиях. Однажды, немец получил паяк, так я у него украла баночку с леденцами «лампысье», так он как взял меня за две косы, да как даст мне под зад, летела я..., за что получала... Боевой была девчонкой!

После войны стало жить проще.

Шаповалова Лидия Михайловна

Память... Человеческая память бережет и сохраняет то, чего уже нет, что давно прошло, и воспроизводит в сознании прежние воспоминания. Даже самые страшные, самые жуткие. Вот что вспоминает о том времени Лидия Михайловна Шаповалова.

Родилась Лидия Михайловна 12 декабря 1937 года в поселке Енакиево. Когда началась война, Лиде шел пятый год. До войны жили они дружной семьей: папа, мама, старшая сестра Поля 1922 года, она была приемная, старший брат 1929 года и младший 1935-го и Лида 1937 года. Папа работал директором райпо, мама была сестрой хозяйкой в больнице.

В 1939 году отца парализовало. Когда началась война, он практически не разговаривал и не поднимался. Была возможность эвакуироваться, но не могли бросить больного отца.

Вскоре в поселок зашли отборные части. Немцы были красиво одеты, но были очень голодными. Мама набрала картошки, хотела им отнести. Но соседка ее встряхнула, «что ты делаешь, это же - враги».

За ночь их выселили из квартиры, не посмотрели на инвалида и маленьких детей. Кто - то донес, что отец член партии. Его таскали на допросы, избивали. Заставляли избавиться от партбилета. Но отец так и умер коммунистом. В их квартиру заселили эсэсовцев. Это были жестокие люди: «Меня схватил немец и начал так трясти, если бы не брат, который не побоялся вырвать, то меня, наверное, не было в живых». А еще осенью привезли немцам яблоки. Так они и гнилые объедки закопали. И если кто пытался откопать – стреляли или били так, что забывали, где эти ямы находятся.

Потом стали бомбить завод. Шахту затопили наши, когда уходили из поселка, а завод не смогли. Горела земля, было страшно.

День наш обычно начинался с того, что прятали Полю в подвал. Потому что молоденьких девушек вылавливали и вывозили куда-то. А так называемым подвалом была воронка от

взорвавшего снаряда. И эту яму накрывали досками. Мама уходила в поисках еды. А мы оставались «на произвол судьбы». Не далеко от нас была немецкая столовая. Сгруппируемся с соседскими ребятами и к столовой, может кто-то что даст, может - выбросят. Однажды окно было открыто, на столе лежал кусочек сливочного масла. Леша сосед был выше всех и старше схватил этот кусочек. Так его сильно избили, а мы расползались кто куда.

Играли мы в канавах, чтобы нас не было видно. Игрушками были патроны: использованные и не использованные. Но как-то немцы увидели, где мы играем, и стали стрелять... одна пуля задела в руку подружку Тасю. Вот такие игры под прицелом были в то время.

Одеты мы были кто во что горазд – в тряпье. Хорошее выменивалось на еду. Меняли соль и одежду. Были мы рахитами, с большими животами и пухлыми ногами.

К зиме, был декабрь или ноябрь, было уже холодно. Стали нас всех сгонять к площади. Думали, что будут расстреливать. Но мы увидели избитых, полуголых: мужчину, молодую девушку, она была очень красивая, и мальчика. Их окружили солдаты. Мужчина что-то сказал и последовали выстрелы. Как потом я узнала, что это был командир партизанского отряда Синчугов Иван Федорович. Он три дня лежал, его не давали хоронить и даже приближаться. Но кто-то все же умудрился, забрал тело и в лесополосе прикопали. И как только закончилась война, его с почестями перезахоронили и мальчика, и девушку. Памятник находится на Юнкоме около дворца культуры.

Праздники отмечались даже во время войны. Помню: мама принесет кусочек сахара, очистки от картошки, мы просим, а она не дает. Оказывается, она готовилась, чтобы отметить 1 мая. Собрались все соседи, принесли большую чашку, туда сложили, что у кого было, подсолили, немного растительного масла. Это была самая лучшая еда. Ну и без песен, конечно никак: пели «Страна моя, Москва моя, ты самая любимая».

7 октября тоже отмечали. Ваня, ему было 11 лет, где-то раздобыл шкуру коровы. Ее посмалили, хорошо вымыли, потом долго варили. И по кусочку всем раздали. Вот это был праздник!

А вообще было конечно голодно. Бывало мама выменяет фуража жменьку, да очисток с картошки, да сварит баланду. И всем по ложечке. За хлеб даже не было разговоров, потому что хлеба практически не видели.

Когда начиналась весна уходили мы на кладбище, там росли травки, которыми мы питались. В 1943-ем начали залетать наши самолеты. Освободили наш поселок 3 сентября. Немцы зверствовали, убивали, люди умирали «пачками». Помню ночью стоял страшный гул. Старший брат сказал маме, что бы никуда не ходила потому, что немцы отступают. Первые ехали мотоциклы, потом танки. А от нас центральная дорога была недалеко и все видно. Подъехали машины, как оказалось это были «Катюши». И начался такой грохот, что все под нами тряслось.

Когда объявили День Победы люди бежали на площадь, в центр поселка. Все смеялись, обнимались, не взирая на то знаком ты с человеком или нет. Кругом слышались песни, люди танцевали. Это был действительно праздник со слезами на глазах, причем столько было радости... и что характерно у каждого должен был быть красный лоскутик.

В ноябре 1945 года привезли пленных немцев восстанавливать и ремонтировать, что было разрушено. Были они одеты кое – как, на ногах деревянная обувь, обмотанная тряпками, а еще запомнились их шелковые платки.

Сначала была карточная система, хлеба было мало. Мама принесет на талончик маленький кусочек хлеба, разделит между нами.

Один раз мы с братом были дома и ели выданный мамой паек, зашел мужчина: худой, изможденный увидел несколько крошек возле стола. Упал на колени и стал слизывать эти крошки. Но пришел старший брат, и мужчина подхватился и выбежал на улицу и возле дома умер.

После войны было нелегко. Кругом разруха. Старший и меньший братья пошли в школу. Классы были сборные, разновозрастные. Лидия Михайловна пошла учиться в 1947 году, когда ей исполнилось 10 лет. Тогда же отменили карточную систему. Жизнь стала налаживаться...

Штода Нина Ивановна

Я, Штода Нина Ивановна (в девичестве Алексеева), родилась 17 июля 1931 года. Из своих предков только видела и знаю только свою бабушку Нилу (моей мамы мама). Дедушек по материнской линии не знала, а мой дедушка Матвей погиб в первую мировую войну, а второй мой дедушка умер в 1932 году от голода.

У моей мамы Ксении Матвеевны сложилась судьба непростая. Ребенком ее забрали на воспитание родственники мамы, т.к. семья была большая, было много детей. От родственников мама и замуж вышла. Уехали в скором времени жить в Ханжонково. В это время мне было 2 годика, а уехали туда, чтобы как-нибудь выжить в голодное время. Отец мой работал на шахте шахтером со знаменитым Стахановым. Но там в это голодное время тоже голодали, мне мама говорила, что я была пухлая от голода. Это был 1932-1933 год. Жили мы в бараках, как в общежитиях, но несмотря ни на что, как-то выжили, и еще у нас родились мои 2 брата — Костя и Анатолий.

Но когда случилась беда (в шахте погибла вся смена шахтеров), папа в это время дома был, то мама сказала: «Все, больше в шахты не полезешь, поехали в деревню жить».

Приехали в Екатериновку, нас никто не ждал, жить совсем негде было. Жили по квартирам, то в одних, то в других, то в третьих, пока купили себе очень плохонькую хату, с одним окошком. Это был 1938 год. В той малой хатке с нами жил еще и дядя Кирилл. В 1939 году его забрали в армию. Больше его не видели. Погиб на войне. В 1942-43гг писал письма «Служу в окопах» и все.

Когда началась война, отца, Ивана Семеновича, забрали сразу на фронт. Не забывается то время. 1941 год. Зима была очень снежная, сугробы были на уровне нашей хаты. Немецкие шли по расчищенным дорогам и не было видно машин. Наши селяне чистили дороги, их заставляли немцы. Фашисты отстроили помещение для дезинфекции всех нас, жителей села. Там нас всех и стар, и млад раздевали догола и стояли мы в очереди, чтобы залезть в какой-то раствор искупаться. Одежду нашу дезинфицировали в другом помещении, только тогда отдали одеться.

После проверки начали размещать у нас немцев по квартирам и даже у нас жили 2 немца. А мы ютились в одной комнатке четверо, мама и трое детей на одной койке спали без матраца, а они забрали у нас матрацы. Мы себе с соломы сделали подушки. Мы жили очень бедно, укрывались фуфайками, немцы были одеты добротно, питались отменно: колбасы, шпик, мед ведрами и мы, дети, не могли удержаться, воровали у них, а им говорили, что это не мы, а кошка ела. Они брали автомат в руки, мы боялись, что нас постреляют, плакали, сидя за печкой, а они кошек стреляли, а нам автоматом угрожали.

Когда фашисты зашли в село, сразу нас из школы выгнали. У нас был урок немецкого языка, фриц зашел и говорит учителю: «Век!» (значит — уходите), здесь будет лазарет немецкий, и нам учиться негде было. Пропал год учебы, а на следующий год учились на квартире. В это время я училась в 3 классе. И так сидели мы ученики три года в третьем классе, нас и с квартиры выгнали. Приходилось учиться и в саду, и на берегу речки. Писали карандашом на коленях, писать было не на чем, тетрадей не было. Писали на чем угодно, у кого что было. Книг тоже не было, одна книга на несколько человек. Пока дойдет твоя очередь учить — и ночь, и света не было, керосиновая лампа, и то, если есть керосин у кого. Если зажег огонь, то выходили на улицу и смотрели, у кого пошел с трубы дым, к тому и бежим за жаром, чтобы разжечь печь или лампу.

А топили печки буряком, соломой, разными ветками, угля не было. К тому же еще холодные, голодные, полураздетые. Были семьи и чуть обеспеченные лучше, но были и такие, как моя соученица Любовь Васильевна. Она одна у мамы дочка, она и сейчас стоит у меня перед глазами, когда она шла в школу зимой (когда немцы освободили школу). Она шла в галошах шахтерских на босую ногу, а у меня были ботинки мужские 40-41 размера. Я туда наматывала тряпок, чтоб теплее было, ботинки достались из немецких трофеев. Мы, дети, шли в школу с подружкой Катей и сколько шли, всю дорогу говорили о еде, вот если б на дороге лежал кусок хлеба или макухи, до того были голодные. Какая учеба полезет в голову. Правда, у кого семья была меньше — один ребенок - те кое-как удержались, учились дальше и кто хоть какой-то имел запас, а в нашей семье трое детей, да еще и перед самой войной приехали в село, ни дома, ни до дома, ничего. Хата наша саманная разваливалась. Мы, чтоб не завалилась, возили с мамой глину, все мазали, лепили с соломы и глины состав и так кое-как жили, крыша соломенная.

Когда немцев первый раз от нас погнали, они в спешке палили свои карты у нас под хатой. Если бы не я, хата сгорела бы. Я отодвинула эти бумаги им было ни до чего тогда. Им не удалось задуманное, они объявили всему селу собраться у церкви, сказали: кто не придет — расстрел на месте. Мы с мамой собрались, я одела свое первое новое платье красненькое в цветочек мелкий и вдруг говорят: немец отступает. Они хотели взорвать церковь и нас в ней.

Но они опять зашли в село и долго жили, рядом у соседей была их кухня. Меня заставляли мыть их котелки, я не хотела мыть, но немцы угрожали, по-немецки ругались, мы уже много

слов понимали, что они говорят. Как они нас не любили, за людей не считали. Когда мы сидели ели кашу (она называлась мамалыгой), они разбинтовывали свои раны и били вшей на столе, где мы едим. Родителей наших, вернее, мам наших заставляли на них работать, окопы рыть и дороги чистить, и поля, и огороды. И все на своих коровах пахали и сеяли.

Правда поля обрабатывались очень мало, все заросло бурьянами, а эти бурьяны нас спасали от холода, мама носила на себе эти вязанки сухой травы топить печь и не только мама, но и все соседи. Приходилось и мне помогать, да еще и не рядом — под хутором Рождественским, пока донесешь! Топишь печь, пока горит — пока и тепло в хате. Я самая старшая из детей, на мне вся работа. С балки принести 4 ведра воды, огород на мне, потяпать, кушать приготовить, корову подоить, а мне отроду 13 лет, а если не успею сделать все — гулять не пустят. Тогда дети все гуляли на улице потому что не было ни радио, ни телевизора, кино и то немое, ребята моего возраста крутили кино вручную, они за это проходили бесплатно, а мы ждали, когда станет в клубе жарко, то откроют дверь и мы заскочим посмотреть это немое кино...

...Когда немец отступал, у нас стояли на квартире 2 немца. Это было в августе на рассвете к нам прибежал соседский паренек и говорит маме: «Наши в селе!» немец услышал, но одеться не успел, с собой забрал вещички, поел в трусах. Одного у нас в саду убили, я сама видела это. Мы все ушли в подвал, из подвала наблюдали как они драпали. Убитых много было на улице немцев, они лежали 3 дня, их никто не хоронил, а было очень жарко, к ним нельзя было подойти.

Отступая, немцы знали, что у них осталось здесь: склад боеприпасов и склад с продовольствием. Родители наши мигом ушли за продуктами, в том числе и мама моя. В это время немцы начали бомбить, а у соседней стояли две машины с зажигательными снарядами, они начали взрываться, мы спрятались в подвал, а дома мы одни, дети, и боялись выйти, только выглядывали, и я увидела, что наша хата горит, да и не только наша, и мамы дома нету, а там же и корова стоит. Сквозь взрывы и пули прибежала мама, хата горит, она корову отвязала, но все остальное сгорело дотла. Хоть богатства не было, но зерно сгорело и зима на подходе, как жить дальше и где жить, ушли жить на квартиру опять к знакомым, но хоть корову спасли кормилицу. Жили мы в одной комнате две семьи, их было два человека и нас четверо, а во второй комнате стояли наши коровы.

Вот и ходи в школу, когда нет ничего. Чернильница одна или две на весь класс. Бегаешь, макнешь перо, пока до своего места дойдешь — перо уже сухое. Не то, что сейчас. Все есть, только учись!

Боев в селе не было, но бомбили все село два дня, мы жили в балке, взяли с собой коров, тем и питались. Было очень жутко в балке, у многих погибли родственники, матери плакали, кричали, и тот парнишка, что прибегал к нам утром с сообщением, что наши в селе, тоже погиб и его брат, и моя подруга Лида.

Мальчишки моего возраста всегда все знали: кто отступает, кто наступает, когда пленных будут гнать. И когда пленных гонят, мы всегда пекли хлеб, у кого что было, садились за каменную стенку и бросали пленным нашим. Они хватали, кто мог, кого убивали, а кто и убегал. Один к нам ночью стучит: «Пустите, тетенька». А мама говорит: «Сыночек, я бы тебя пустила, да нельзя. Вот возьми покушать, переоденься в женское платье и иди заройся в солому, а на рассвете как-то убежишь к нашим». Но не знаем его дальнейшей судьбы.

Я еще хочу сказать, какие были дружные люди, помогали друг другу, нам всем помогли отремонтировать хату.

С тех барачков, что немцы оставили, мы натаскали с мамой и двери и окна с их построек, они немцы укреплялись надолго видимо, но увы...

Никогда не забыть той радости, когда бегали по селу женщины и кричали: «Война закончилась, война закончилась!»

Школу я бросила, пошла работать в 14 лет, но время было трудное — надо все восстанавливать, кушать нечего, ходили на работу. Помню, налью молока, потом зайду в посадку где шелковица, нарву шелковицы в молоко, вот это моя еда до вечера. Хлеба не было и так перебивались кое-как до осени, до урожая.

Мельница не работала, да и молот нечего. Жили — описать невозможно чем жили. Но когда появилось зерно, то ходили к родственникам молот крупы на ручной мельничке, пекли лепешки кукурузные. Какое лакомство, да еще сухие, без масла.

Первый год экономили во всем, мало уродило, мама прятала от нас лепешки, чтоб надольше хватило. И куда только она не прятала, даже в печку, в золу, - и там мы находили, потому что голодные были.

Одежды не было, дети ходили непонятно в чем, а я, можно сказать, почти барышня, вся в латках, да не только я. Братья мои тоже.

Я помню, соседский мальчик (потом он стал моим мужем) и мой брат Костя после уборки урожая пошли колосков насобирать, чтоб зернышки были да смолот на кашу, а кто-то увидел, что они собирают колоски и заявили на них, тогда это было очень строго. Их вызвали в совет на допрос, а они, дети, стояли в таких штанишках из плащ-палатки шелестящие, коротенькие и одна застежка, большущая пуговица. Их предупредили, что нельзя брать с поля. Ведь в то время за 1 кг зерна в тюрьму сажали. А когда появился вольный хлеб, я захотела вареников сварить, но мамы, как всегда, дома нет, поздно с работы приходила, спросить не у кого, как месить, налила в муку столько воды, что не знала куда деть тесто, чтоб мама не ругала. Все самой приходилось узнавать, тогда выходных у мамы не было, на работе ежедневно, приходила, когда темно. Мы сидели под хатой, ожидали маму, боялись в хату заходить.

В 1945 пришел с фронта наш отец, стал работать на машине шофером. Он нам привез кое-что с обуви, одежды, и главное, бумагу. Только не чистую, а оберточную, но можно на ней писать. Братья Костя и Толик ходили в школу. Я работала на колхозном огороде, да и на разных работах, уже пацаны стали за мной бегать, а я такая вся в латках. Потом мне отец купил платье беленькое в цветочек, и дядя с Германии посылку выслал, дали мне два платья немецких и халат. Халат я одевала поверх пальто, чтобы не было видно латок. Я очень с детства любила шить, у нас была швейная машинка, к нам шли все шить, а я все присматривалась как. Сначала мне кроили, а потом я стала сама кроить и шить соседям даже.

У нас всегда в доме было много людей. Хоть и бедно жили, и сесть было не на чем, но гостей у нас всегда было полно, может быть потому, что отец играл на гармошке, да и мама была очень гостеприимная, ее все любили, сядут в хате на соломе на земле, полов не было, и в карты, песни и пляски, позабывают полы. А мне приходилось мазать их кизяком коровьим, чтоб было чисто. У нас всегда, хоть и бедно было, но порядок соблюдали, это было на мне.

В 1947 году я подружилась со своим будущим мужем Сашей. Он был мой сосед, рядом жили все детство. Вместе, со спичечных коробочек, провели себе телефон на ниточке и разговаривали, и было слышно, детское изобретение!

Во время обстрела, когда мы сидели в подвале, Саша научил меня молитве «Отче наш», мы с ним везде вместе, и когда в балке скрывались от бомбежки семьями, нас вдвоем посылали за провиантом. Один раз даже спас меня от пули во время обстрела».

Имею награды за самоотверженный труд в годы войны.

Штыб Григорий Степанович

Когда и где Вы родились?

19 апреля 1929 года рождения, уроженец села Новомихайловка, Матвеево – Курганского района, Ростовской области.

Кем работали Ваши родители накануне войны?

Отец работал на мельнице в с. Ряженое, конюхом и разнорабочим. Мама разнорабочей в колхозе им. «Ворошилова», в том же селе.

Где Вы проживали в момент начала войны?

В селе Новомихайловка.

Как изменилась жизнь Ваших родителей с началом войны? Где Вы жили в годы войны? Как изменились жилищные условия в этот период?

В 1941 году отец ушел на фронт, а нас эвакуировали из родного села, на какие – то хутора, название уже и не помню..., на целых три года. Мама взяла вещмешок, как сейчас помню, положила туда 2 буханки хлеба, шматок сала, забрали корову и ушли. Жили у людей в подвалах. Нам тоже приходилось работать вместе с мамой. Работали в колхозе, ловили сусликов по полям, гоняли жуков на зерновых. Зарабатывали трудодни.

Был такой случай в моей жизни. В одном из хуторов, мы же за время войны перебирались из хутора в хутор, были «полицаи». Это такие люди, из наших же односельчан, которые перешли на сторону врага. У них были лошади. Жили мы в то время в землянке, в лесополосе недалеко от села. Мама с младшими братьями и сестрами уже ушли в другое место, а мы со старшим братом, решили вернуться и украсть лошадь. Дело было опасное, но мы решили рискнуть. Никому ничего не сказав, ночью, пошли в село. Брат прокрался к дому,

где жили полицаи, заглянул в окно. Дал мне отмашку, что все в порядке, все спят. Я потихоньку отвязал лошадь и повел её за собой, лошадь шла спокойно, казалось, что ей самой хотелось сбежать от предателей. Отойдя метров, пять от вражеского дома, вскочил на неё и ускакал в лесополосу. Пока скакал, такого страха натерпелся... Там в самой гуще, привязал коня к дереву и вернулся ждать брата. В скором времени прибежал брат. Все закончилось благополучно, все живы, лошадь теперь наша, правда, от мамы так... «влетело...». С тех пор, в нашем хозяйстве кроме коровы, появилась и лошадь. Мы смастерили бричку, погрузили на нее все наши пожитки, так и передвигались из села в село. Везли на бричке, мороженую свеклу и картошку с брошенных полей, так и выживали.

Как проходил Ваш обычный день? Где и как Вы его проводили?

Работали, играть было некогда. Трудились наравне со взрослыми.

Какие праздники отмечались в семье? Кто принимал в них участие?

Праздников не было, вокруг война.

Какие игрушки у Вас имелись? В какие игры Вы играли со своими сверстниками?

Игрушки мастерили сами, автоматы, пистолеты. Играли в «войнушки», когда было свободное время.

Были ли условия для занятия спортом или творчеством?

Нет, ничем таким не занимались.

Насколько разнообразным был рацион питания? Какие продукты чаще всего использовались в повседневном питании? Какие блюда запомнились? Что для Вас было лакомством?

Мучка, щавель, макуха, капуста, мороженная свекла, картошка с брошенных колхозных полей.

В каком возрасте Вы начали читать? Какие книги в период войны запомнились?

До войны пошел в 1 класс. Книжек у нас никаких не было.

Учились ли Вы в военное время в школе? Если да, то как Вы оцениваете уровень подготовки учителей и собственные возможности для обучения?

В 1943 году после освобождения Матвеево – Курганского района, мы вернулись в свое село и начали потихоньку его восстанавливать. Колхоз «маленько» начал образовываться, стали работать в колхозе. В том же году пошел доучиваться в школу. Закончил 4 класса.

Вспомните, пожалуйста, какая одежда у Вас была? Приобретали ли ее в магазинах или родители шили ее вам самостоятельно?

Собирали кукурузу и везли продавать ее в город Таганрог, на эти деньги покупали себе «обновки», а в основном, шила мама и донашивали за старшими детьми.

Участвовали ли Вы в трудовом фронте (работа на предприятиях, помощь в уборке урожая, на приусадебных участках)?

Скажу с гордостью, что тоже участвовал в трудовом фронте. Работал на току. Привозили зерно из Матвеев – Кургана на посев, на весну, уничтожали бурьяны на полях, пахали на коровах, на лошадях.

Когда мне было 14 лет, пришли с военкомата, и директор школы сказал, что вы «переростки», вас забирают на завод. Так нас отправили в город Таганрог в СПТУ –

учениками. От завода дали нам общежитие. Учились мы в группе 39 на слесарей и ходили ежедневно работать. Водили нас к старшим работникам, так учился и работал. Наконец – то получил заводское образование, стал слесарем - сборщиком 4 разряда. Был даже профгруппоргом на заводе. 10 лет работал в городе Таганроге на Комбайновом заводе. Из них и два военных года 1943, 1944. Делали запчасти для боевых машин фронта.

18 мая 1995 года вручили медаль «За доблестный труд в ВОВ 1941 – 1945 гг.»

Помните ли Вы День Победы? Как его праздновали в Вашей семье?

Конечно, всем селом радовались, плакали, обнимались.

Создавалось ли ощущение, что после Победы стало жить легче в материальном и бытовом плане?

По началу, не особо, мать получала 12р.50к. за трудодни, так и жили. А потом мы стали помогать.

Приходилось ли вам встречать немецких военнопленных? Если да, то какое отношение было к ним тогда?

Нет, пленных мы не видели, но пришлось их хоронить. Ну, какое отношение, мы же люди, поэтому и отнеслись к ним по - человечески.

Как сказалась Победа на ваших возможностях в организации досуга (поездках в пионерские лагеря, походы в клубы, библиотеки и т.д.)?

Была гармошка, собирались, пели, танцевали. Устраивали концерты.

Шульга Надежда Николаевна

Шульга надежда Николаевна родилась в 1936 году в г. Горловка. Мать Вера Афанасьевна, уроженка села Авиловка. Отец Николай Ильич Ляльцев детдомовец. До войны проживали в г. Горловка. Отец работал на шахте стрелочником, на отправке вагонов с углем. За год до войны на производстве произошла авария, перевернулось шесть вагонов с углем. Был суд и отцу дали шесть лет. А через год отца отправили на фронт на передовую. Мать осталась без кормильца семьи, с четырьмя детьми. Надежда Николаевна была третьим ребенком в семье. На период начала войны ей было 4 года. Самый маленький Николай умер перед началом войны. Чтобы прокормить детей мать пошла на работу. Работала с утра до вечера. Дети оставались одни, ждали её. Всё время хотелось кушать, спать, было холодно. Но с продуктами питания было совсем плохо. Старшие дети сестра и брат на то время учились в школе - сестра в 4 классе, а брат в 1 классе. Маленькая Надя выходила на улицу и когда видела взрослых с сумками, подбегала к ним и просила: "Тетя дай мне, что у тебя в сумке, а мама завтра купит и я вам принесу тоже". Перед войной дедушка приехал с Авило-Успенки и забрал маленькую Надежду к себе в деревню. По воспоминаниям Надежды Николаевны, вагоны в поезде были переполнены. Городские жители массово уезжали в деревни, чтобы прокормить себя и своих детей. Но Надя не бросала свою куклу, которую ей подарил отец. Это была единственная и очень ей дорогая игрушка.

Через неделю началась война. Мать с остальными детьми тоже перебирается в деревню. Дорога из Горловки в Авило-Успенку оказалась долгой. Три дня и три ночи, мать со старшими детьми, в сопровождении дяди шли в деревню. На тачке везли сундук с вещами: подушки, одеяло, мыло, одежда, обувь и швейная машинка. Семья воссоединилась. Всего у

дедушки с бабушкой стало проживать 16 человек.

Во время оккупации жить стало еще тяжелее. Когда пришли в село немцы, то заняли их дом, там у них располагалась немецкая кухня. Из воспоминаний Надежды Николаевны: "Вся семья жила в сарае. В нем было тесно и темно. Место было только, где поспать. Заниматься хозяйством не приходилось. Жили очень трудно. Холодно и голодно. Мы дети, хотели бегать, играть, но были ограничены в своих действиях, так как было не всегда безопасно выходить на улицу. Периодически немцы подвозили продукты, все привозилось в тканях, а ткань эта потом выбрасывалась. Мама выпрашивала у немцев ее, стирала, а потом из этой ткани шила одежду для нас, детей. Так у меня появилось новое платье. До этого я ходила в мужской большой рубашке, подпоясанная веревкой. А в 1942 году Америка прислала гуманитарную помощь. Маму пригласили в военкомат и выдали посылку, в которой находились вещи. Помню синий сарафан и юбку в клетку. Немцы к нам относились по-разному. Кушать хотелось все время. Старший брат воровал хлеб у немцев. Один раз попался немцу, тот хотел его расстрелять, но вовремя появилась бабушка. Она закрыла внука собой, немец сжалился и простил, но грозно предупредил, чтобы такое больше не повторялось. Меня, тогда еще 4-х летнего ребенка, немец часто сажал к себе на колени, угощал конфетами, помогал лекарствами, и на ломаном русском языке говорил, что у него тоже в Германии осталось трое детей".

Вскоре война подошла вплотную. Осенью, когда советская армия освобождала М-Курганский район, все население стало эвакуироваться. Через хутора Самарский и Первомайский потянулись первые группы беженцев. Женщины на тележках и на плечах тащили пожитки, маленькие дети ехали на бричках, запряженные коровами, дети постарше шли сами. Из воспоминаний Надежды Николаевны: "На огороде выкопали большую яму, в нее закопали сундук с пожитками. Дело уже было к вечеру. Только поднялись на гору налетели немецкие самолеты и началась бомбежка. Дедушка по состоянию здоровья, был без ног, остался дома. Во время этой бомбежки он погиб. Остановились в лесополосе. Вся лесополоса была заселена беженцами. Помню мы с мамой отошли немного в кусты, как прилетело два снаряда и разорвались рядом. Все решили, что меня убило. Помню дым стоял столбом, как густой туман. Но осколки от разорванного снаряда разлетелись далеко и в меня не попали, только одежду с меня сорвало и были легкие царапины." Через две недели вернулись домой. На месте домов и дворовых построек валялись головешки. Целых оставалось несколько домов. А время шло к осени. Уже слегка были морозы. Жить было негде. Семья поселилась в конюшне. Топить было нечем. К счастью сохранился сундук со всем небольшим скарбом. Мать вышла на работу в колхоз: молодые женщины рыли окопы, чистили элеватор. Дети постарше помогали им. Ходили на колхозные поля, собирали колоски, картошку копали. Летом на полевом стане женщины готовили обед на рабочих и детей. Стоял большой чан, в котором готовилась каша и за длинный стол усаживались уставшие и голодные женщины вместе с детьми.

Когда освободили деревню от немцев в колхозе стали давать земельные участки - огороды. Сажали картофель, кукурузу, свеклу. Из использованного снаряда сделали ступу и толкач, в которой толкли кукурузу, крупу и затем делали лепешки. Некоторые подростки делали ловушки на воробьев, лазили по горе в поисках сусликов, часто попадали на снаряды и многие погибали. А маленькая Надя была определена в детский сад. Ходила со своей постелью - наволочка и матрас, набитые травой, и со своей посудой. Надежда Николаевна до сих пор помнит свою чашечку - зеленая с маленькими рыбками.

В 1942 году Надежда Николаевна пошла в школу в первый класс. Одежды не было, шла в мамином платье. Ребята ходили в шинелях, галифе, галошах - у кого, что было. Школа располагалась в разрушенном доме. В классе было 30 учеников. Вместо парт и скамеек были ящики из-под снарядов. Ученикам выдавался один чистый лист в косую линию на целую четверть для чистописания. В целях экономии, в день писали по одной строчке. А если не хватало бумаги, то размачивали картонные снаряды, а потом с него пластами снимали бумагу и писали. На такой бумаге приходили и письма с фронта от отца. В 1-ом классе учили только двум предметам: родная речь и арифметика. Когда Надя училась уже в третьем классе, мать продала ведро кукурузы и купила учебник "Родная речь". Это была единственная книга на весь класс. Надежда Николаевна с юмором вспоминает: "В 3-ем классе вместо урока физкультуры было военное дело. Учителем этого предмета был пленный азербайджанец. На уроке учились маршировать и ползать. Команда была "Левый нога! Правый рука! На месте топчись!".

В 1943 году семья переехала в Новониколаевку. Приобрели свой домик. Здесь проживала дальняя родственница. Она помогла немного с одеждой детям и отдала им теленка. Потихоньку жизнь стала налаживаться.

Отец не дожил до победы месяц. В апреле он погиб. Письма с фронта приходили часто. В последнем письме он написал: "Идем мы уже по Германии. Бегут немецкие дети. Мы получили паек. Я свой паек отдал немецким детям. Я думаю, что и немец какой-то найдется и даст хоть что-то и моим детям".

Из воспоминаний: "О конце войны я узнала уже в школе. Нам объявили о Победе, отпустили с уроков домой. На то время мне было 9 лет. Послевоенное время тоже было очень трудное, голодное, нищенское. Но постепенно государство восстанавливалось, и жизнь становилась лучше".

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Антонова Антонина Александровна.....	5
Захарченко Алексей Григорьевич.....	6
Киншова Зинаида Филипповна.....	7
Кучмиёва Мария Андреевна.....	8
Лазаренко Клавдия Лазаревна.....	11
Литвинова Анастасия Дмитриевна.....	14
Лозовая Надежда Фёдоровна.....	15
Малий Раиса Константиновна.....	16
Мелихова Виктория Александровна.....	18
Михалкова Ольга Никитична.....	24
Паращенко Зоя Александровна.....	25
Семенченко Евгения Николаевна.....	27
Скляренко Александра Григорьевна.....	28
Сорокалетова Раиса Филипповна.....	30
Тяжлов Николай Иванович.....	32
Федосова Антонина Дмитриевна.....	33
Фролова Валентина Саджоновна.....	34
Шаповалова Лидия Михайловна.....	35
Штода Нина Ивановна.....	37
Штыб Григорий Степанович.....	41
Шульга Надежда Николаевна.....	43

И всё же мы росли...

**Сборник очерков и воспоминаний детей военной поры
к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне
в рамках проекта «И всё же мы росли...»**

Муниципальное учреждение культуры
Матвеево-Курганского района
«Межпоселенческая центральная библиотека»

346970, Ростовская область,
Матвеево-Курганский район,
п. Матвеев Курган,
ул.1 Мая,18
тел.: 8-86341-23486
сайт: <https://mkurgancbs.ru/>
e-mail: mkurgancbs@yandex.ru